А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКІЙ.

ОЧЕРКЪ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., д. 28.

1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Января 1898 г.

На долю людей, одаренныхъ могучими характерами и способныхъ уловить благопріятный моментъ для выполненія цѣлей даннаго общежитія выпадаетъ обыкновенно важная роль въ историческомъ процессѣ: черезъ ихъ посредство осуществляется превращеніе потенціальной энергіи общества въ кинематическую. Слѣдуетъ замѣтить, притомъ, что въ силу односторонней послѣдовательности человѣческаго развитія, лишъ тѣ дѣятели на долго оставляютъ по себѣ видимый слѣдъ въ исторіи, которые выразили передовыя особенности своего времени такъ, что сами не только подчинились окружающей ихъ средѣ, но и оказали на нее замѣтное воздѣйствіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти личности руководятся въ своей дѣятельности самостоятельными и смѣлыми ассоціаціями по сходству, образованіе которыхъ, повидимому, обусловленно обстоятельствами, благопріятствующими указанному превращенію, мы называемъ такихъ дѣятелей геніями; наоборотъ, когда они поставлены въ тѣснѣйшую зависимость отъ той же среды и дѣйствуютъ подъ вліяніемъ чужихъ, болѣе или менѣе готовыхъ идей, которыя разрабатываютъ или примѣняютъ къ данному обществу, мы признаемъ въ нихъ болѣе или менѣе крупные таланты.

Изъ русскихъ государей, царствовавшихъ въ Россіи XVIII-го вѣка, послѣ Петра Великаго, наиболѣе видное мѣсто по своему таланту занимаетъ, конечно, Екатерина II. Недавно минувшая столѣтняя годовщина со дня смерти императрицы даетъ намъ поводъ, хотя бы въ общихъ чертахъ, припомнить итоги ея внутренней государственной дѣятельности. Выясненіе среды, въ которой она сложилась, ея основныхъ задачъ и ихъ результатовъ во всякомъ случаѣ не менѣе внѣшней политики заслуживаетъ вниманія, а между тѣмъ явленія подобнаго рода труднѣе ясно возстановить въ ихъ цѣлостности и отчетливо представить въ краткомъ очеркѣ. Не претендуя, поэтому,

исчерпать тему, которая уже вызвала въ нашей литературѣ нѣсколько спеціальныхъ монографій, но еще не разработана цѣликомъ ни въ одномъ общемъ сочиненіи, мы тѣмъ не менѣе считаемъ полезнымъ съ указанной точки зрѣнія взглянуть на царствованіе императрицы Екатерины II-й и такимъ образомъ посильно содѣйствовать уразумѣнію того значенія, какое это царствованіе имѣло въ исторіи Россіи.

I

Общій ходъ развитія русской жизни въ послѣднія два столѣтія повліялъ, конечно, на направленіе, какое приняла внутренняя политика императрицы Екатерины II.

Уже со времени созванія первыхъ земскихъ соборовъ въ этой жизни нельзя не замѣтить раздвоенія: хотя не задолго до смуты значительная часть общества все еще оставалась вѣрной стародавнимъ преданіямъ, тѣмъ не менѣе представители болѣе интеллигентныхъ слоевъ его начинали чувствовать потребность въ перемѣнѣ и ощупью разыскивать средства для ея осуществленія въ началахъ западно-европейской цивилизаціи. Антагонизмъ между консервативнымъ и прогрессивнымъ направленіями, развивавшійся въ теченіе всего XVII-го вѣка, ярко сказался въ началѣ XVIII-го, когда страстная преобразовательная дѣятельность Петра Великаго натолкнулась на тупое недовѣріе народныхъ массъ и на глухую оппозицію въ небольшой группѣ лицъ, получившую, какъ извѣстно, политическій оттѣнокъ.

Съ конца 1720-хъ годовъ, однако, противоположность между этими направленіями стала сглаживаться: не одни положительныя, но и отрицательныя послѣдствія реформы привлекли вниманіе бывшихъ ея поклонниковъ, да и прогрессивная дѣятельность самого правительства замѣтно ослабѣла; то же случилось и съ консервативнымъ направленіемъ, находившимъ себѣ гораздо менѣе пищи въ самомъ обществѣ, члены котораго успѣли нѣсколько освоиться съ новыми началами, внесенными въ русскую жизнь реформою Петра Великаго.

При такихъ условіяхъ „взаимная связь между престола и гражданъ", между ослабѣвшимъ правительствомъ и усилившимися общественными элементами (по крайней мѣрѣ свободными классами общества) становилась возможной.

Въ это время во главѣ государства оказалась Екатерина Алексѣевна; она то и попыталась осуществить указанное взаимодѣйствіе, положивъ въ основу его идею о закономѣрной монархіи и избравъ идеальной цѣлью таковой народное благосостояніе.

Взгляды подобнаго рода, конечно, не чужды были и предшественникамъ императрицы. Систематическое проведеніе ихъ, однако, въ такомъ именно сочетаніи, поскольку оно согласовалось съ принципами просвѣщеннаго абсолютизма и данными условіями русской общественной и государственной жизни, едва ли не впервые ясно обнаружилось во второй половинѣ XVIII вѣка, благодаря дѣятельности Екатерины II.

II

Личная жизнь Екатерины Алексѣевны нѣсколько подготовила ее къ выполненію тѣхъ трудныхъ задачъ, какія выпали на долю ея царствованія.

Екатерина родилась 21 апрѣля 1729 года. Довольно рано вырванная изъ родной семьи, она пятнадцати лѣтъ попала въ чуждую ей обстановку русскаго двора (1744 г. февраля 3-го), а черезъ полтора года уже стала супругою великаго князя Петра Өедоровича (21-го августа 1745 г.). Ни въ супружествѣ, ни въ родительскомъ чувствѣ Екатерина, однако, не нашла счастья. Сама она, несмотря на свою природную веселость и твердый характеръ, слагавшійся въ тяжелыхъ условіяхъ этой обстановки, съ горечью вспоминала о томъ, какъ ей, быть можетъ, не столько по собственному желанію, сколько по винѣ обстоятельствъ, пришлось навсегда отказаться отъ семейныхъ радостей.

Способная, любознательная и славолюбивая Екатерина постаралась, однако, не только случайными удовольствіями, которыми изобиловалъ придворный бытъ того времени, но и болѣе серьезными занятіями восполнить этотъ пробѣлъ,

образовавшійся въ ея личной жизни. „Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ, читаемъ мы въ ея мемуарахъ, я только и дѣлала, что читала... У меня въ то время бывала всегда съ собою книга и каждую свободную минуту я проводила въ чтеніи“.

По мемуарамъ Екатерины не трудно прослѣдить, какъ она послѣ увлеченія романами, въ родѣ Tiron le blanc и другихъ, заинтересовалась письмами г-жи де Севинье и сочиненіями Вольтера; отъ нихъ и, пожалуй, благодаря вліянію этого послѣдняго, она перешла къ ознакомленію съ трудами Плутарха, Цицерона, Тацита, а также къ чтенію нѣсколькихъ мемуаровъ и сочиненій по гражданской и церковной исторіи Европы (напр., Брантома, Перефикса, Барра и Бароніуса, а потомъ и Гиббона). Тѣмъ не менѣе блестящимъ произведеніямъ Вольтера, „особенно любимаго писателя“, Екатерина „преимущественно обязана была своими познаніями“; эти произведенія интересовали ее гораздо болѣе парадоксальныхъ теорій Руссо; считая Фернейскаго философа „знаменитѣйшимъ изъ людей своего вѣка, не сравнимымъ съ другими“, она, напротивъ, полунасмѣшливо, полувраждебно отзывалась о „Св. Бернардѣ“, авторѣ „Общественнаго договора“, а его „Эмиля“ признавала даже книгой вредной для государствъ [1]. Болѣе сочувственно относилась Екатерина къ сочиненіямъ Дидеро, который занялъ отчасти мѣсто, принадлежавшее Вольтеру въ первой половинѣ прошлаго вѣка: впрочемъ, и къ его взглядамъ она умѣла относиться критически. Наконецъ, не говоря о многихъ другихъ сочиненіяхъ, весьма разнообразныхъ свойствъ и достоинствъ, молодая, женщина съ рѣдкимъ прилежаніемъ одолѣла критическій лексиконъ Бэйля, послѣ котораго не разъ обращалась къ французской энциклопедіи, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ писанные ея рукой длинные перечни названій наиболѣе интересовавшихъ ее статей. Болѣе спеціальное политическое образованіе Екатерина стала пріобрѣтатсь съ того времени, какъ принялась за внимательное изученіе твореній Монтескье,

[1] Уже въ 17 5—1756 гг. Екатерина пріобрѣла «Discours» de J. J. Rousseau въ свою библіотеку.

вмѣстѣ съ Плутархомъ способствовавшаго „укрѣпленію склада ея ума и души“; „Духъ законовъ“ она называла, какъ извѣстно, своимъ „молитвенникомъ“ и также охотно обращалась къ „Наставленіямъ“ Бильфельда, популяризатора взглядовъ Монтескье; не слѣдуетъ думать, однако, чтобы вниманіе Екатерины обращено было исключительно на одну французскую литературу: она не забывала сочиненій Локка, а также Беккаріа и (позднѣе) Блэкстона, изъ „комментарій“ котораго сама не разъ дѣлала пространныя выписки.

Привычки къ серьезному чтенію, пріобрѣтенной до вступленія своего на престолъ, Екатерина, какъ видно, не потеряла и впослѣдствіи; напротивъ, она поддерживала ее постоянно, между прочимъ благодаря довольно объемистой и любимой ею библіотекѣ. Изъ 4-хъ часовъ, которые императрица удѣляла ежедневно умственнымъ занятіямъ, не мало времени уходило, впрочемъ, и на письмо: „не пописавши, нельзя и одного дня прожить“, сказала она однажды своему секретарю Грибовскому. Громадное количество писаннаго Екатериной, и притомъ писаннаго большею частью собственноручно, можно видѣть уже изъ того, что изданіе полнаго собранія ея сочиненій заняло бы, вѣроятно, не менѣе 15 томовъ, считая до сихъ поръ еще неизданное.

Во время одинокой и замкнутой жизни, какую Екатерина Алексѣевна вела до вступленія на престолъ, она не замедлила ознакомиться и съ русскимъ языкомъ, которому училась съ интересомъ, въ виду его „богатства и выразительности“, успѣла приглядѣться и къ русскому быту. Несмотря на увлеченіе раціонализмомъ XVIII вѣка, она не разъ говаривала, что „не зная прошлаго народа, нельзя принимать и какія либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ“. Слѣдуя этому правилу, императрица прислушивалась къ разсказамъ своихъ приближенныхъ о прошломъ и (особенно въ послѣдніе годы своего царствованія) охотно занималась русской исторіей. Благодаря такимъ занятіямъ, вѣроятно, сложилось и то чувство глубокаго уваженія, какое императрица Екатерина питала къ „вселюбезнѣйшему дѣду“ своему, „геніальному“ Петру

Великому. Впрочемъ, дѣйствительность выяснялась ей и другимъ путемъ: еще въ бытность свою великой княгиней она знакомилась съ наказами русскимъ посламъ и ихъ докладами императрицѣ Елисаветѣ; по вступленіи же на престолъ Екатерина лично входила во всѣ важнѣйшія и даже нерѣдко мелочныя государственныя дѣла. При подобнаго рода условіяхъ она нѣсколько ближе узнала русскій народъ и стала усматривать въ немъ народность: „Русскій народъ, писала она однажды, есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ; онъ отличенъ догадкою, умомъ, силою. Я знаю это по двадцатилѣтнему опыту моего царствованія. Богъ далъ русскимъ особенное свойство“. Такіе принципы не оставались безъ вліянія на правительственную дѣятельность Екатерины и въ особенности на ея внѣшнюю политику, которой они и придавали національный оттѣнокъ.

Взгляды Екатерины на задачи властвованія также должны были отозваться на характерѣ ея царствованія. Недаромъ читала она лучшія произведенія иностранной литературы: изъ нихъ она почерпнула знакомство съ идеей закономѣрнаго государства и усвоила ее лучше своихъ предшественниковъ. Съ этой точки зрѣнія императрица не только признавала себя государыней самодержавной, но указывала и на то, что „власть безъ довѣренности народа ничего не значитъ“ и что „предлогомъ“ самодержавнаго правленія должно служить не „лишеніе людей естественной ихъ вольности“, а направленіе „дѣйствій ихъ къ полученію самаго большого отъ всѣхъ добра“, чѣмъ и отличала монархію отъ „деспотичества“. Средство, пригодное, по ея мнѣнію, для достиженія подобнаго рода цѣли, императрица опредѣлила довольно ясно въ извѣстномъ манифестѣ 1764 г., когда „наиторжественнѣйше обѣщала своимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго отечества въ своей силѣ и при надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобы и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ по-

рядка“. Возлагая на себя тяжелыя обязанности по управленію имперіей, императрица не безъ преувеличенія признавала отвѣтственность, падавшую на нее передъ населеніемъ. „Всегда, писала она сыну, государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены“...

Выработанный характеръ и просвѣщенные взгляды, съ какими Екатерина вступала на престолъ, заставляли современниковъ признать въ ней выдающіяся способности къ властвованію. „Болѣе, чѣмъ кто-либо въ свѣтѣ, по словамъ Каткарта, она способна была вести такую сложную машину“, какъ русское государство.

Мало-по-малу подготовляя себя къ будущей просвѣтительной дѣятельности, великая княжна Екатерина Алексѣевна легко могла убѣдиться и въ ея необходимости для государства, механизмъ котораго за послѣднее время царствованія императрицы Елисаветы функціонировалъ довольно плохо. „Сей эпокъ, говоритъ, напримѣръ, Н. Панинъ про царствованіе Елисаветы, заслуживаетъ особливое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніемъ припадочныхъ людей (т.-е. фаворитовъ) и всякимъ посторонним малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ“. Наконецъ, далеко еще не прочное положеніе, въ какомъ находилась Екатерина по воцареніи, также вызвало съ ея стороны энергичныя мѣры для водворенія государственнаго порядка и кое-какія уступки въ пользу наиболѣе видныхъ классовъ общества.

Такимъ образомъ, пріобрѣтая личныя средства для проведенія реформы въ государственной жизни Россіи, Екатерина одновременно чувствовала ея настоятельную необходимость, въ виду нѣкоторой безпорядочности предшествовавшаго царствованія и опасеній, вызванныхъ собственнымъ ея, первоначально довольно шаткимъ, положеніемъ на престолѣ.

III

Когда послѣ переворота 28 іюня 1762 года, вызваннаго личной предпріимчивостью будущей императрицы и ея приверженцевъ, опаснымъ положеніемъ ихъ при дворѣ и силь-

нымъ недовольствомъ общества противъ правительства, Екатерина вступила на престолъ, она ужаснулась, увидавши, въ какомъ печальномъ положенiи находилось государство. Первоначально императрица думала одновременно собрать возможно болѣе обстоятельныя свѣдѣнiя о состоянiи имперiи и сразу рѣшить вопросъ о реорганизацiи государственнаго порядка въ коммиссiи о сочиненiи проекта новаго уложенiя (1767—1774 гг.); но вскорѣ, разочаровавшись въ благополучномъ исходѣ затѣяннаго ею предпрiятiя, она стала по частямъ выполнять ту же задачу. Остановимся прежде всего на первомъ изъ этихъ моментовъ ея внутренней политики.

Императрица Екатерина сильно увлекалась, особенно въ первые годы своего царствованiя, идеей о единообразномъ, согласованномъ во всѣхъ своихъ частяхъ и правомѣрномъ государствѣ; между тѣмъ приступить къ систематическому выполненiю этой идеи казалось всего легче съ составленiя новаго уложенiя. Примѣръ предшественниковъ императрицы и сосѣднихъ государей, также стремившихся къ славѣ законодателей, вѣроятно, повлiялъ на Екатерину II, укрѣпивъ ее въ этомъ намѣренiи. Наконецъ, помимо отвлеченныхъ соображенiй, и дѣйствительное положенiе дѣлъ вызывало со стороны императрицы желанiе возможно скорѣе приступить къ работамъ по кодификацiи права.

Созванiю коммиссiи предшествовало приготовленiе императрицей знаменитаго Наказа, написаннаго главнымъ образомъ по сочиненiямъ Монтескье и Беккарiа. Наказъ извѣстенъ намъ въ нѣсколькихъ редакцiяхъ: императрица, какъ видно, работала надъ нимъ довольно усердно [1].

[1] Судя по матерiаламъ для составленiя Наказа, хранящимся въ Императорской Академiи Наукъ, въ работѣ его автора не трудно намѣтить слѣд. стадiи: 1) по мѣрѣ чтенiя Екатерина дѣлала выписки понравившихся ей текстовъ; онѣ слѣдуютъ поэтому другъ за другомъ безъ всякаго порядка (Л. 1—39; листъ=4 стр.); 2) вслѣдъ затѣмъ Императрица приступила къ распредѣленiю собраннаго матерiала. Для этого она на поляхъ выписокъ системой особыхъ знаковъ отмѣтила однородныя матерiи; 3) далѣе группы выписокъ, однородныхъ по содержанiю, она привела въ систему по главамъ, которыя остались и въ печатномъ наказѣ (лл. 64—99

Составительница Наказа признавала личность гражданина (свободу совѣсти и мнѣнія, личныя и имущественныя права), но указывала и на необходимость сословнаго строя съ дворянствомъ во главѣ, умѣряемаго правомѣрными отношеніями сословныхъ группъ другъ къ другу. Далѣе, императрица въ своей инструкціи указывала на личность гражданина, какъ на цѣль попеченій государственной власти, и на регулятивное значеніе законовъ, которые должны запрещать лишъ то, что можетъ быть вредно каждому въ частности или всему обществу въ его совокупности; настаивая при этомъ на человѣчномъ производствѣ суда вообще, она въ частности считала возможнымъ устранить пытку изъ уголовнаго производства. Наконецъ, принципъ закономѣрной дѣятельности подчиненныхъ властей и основные законы „самодержавнаго правленія" составляютъ также темы, разработкѣ которыхъ посвящено нѣсколько главъ Наказа.

Слѣдуетъ замѣтить, что члены коммиссіи постоянно читали Наказъ на своихъ засѣданіяхъ, часто ссылались на его статьи и принимали во вниманіе ихъ содержаніе при составленіи разныхъ проектовъ. Экземпляры Наказа разосланы были также въ присутственныя мѣста, куда чиновники „должны были съѣзжаться по субботамъ" для чтенія этого произведенія; наконецъ, несмотря на то, что Наказъ не имѣлъ силы закона, въ послѣдующее время

и 99—117); сюда же можно отнести дополненія къ Наказу лл. 117 + 7 (до конца); при этомъ сдѣланы были добавленія и исправленія; 4) въ такомъ видѣ работа Екатерины перешла къ переписчику и снова пересмотрѣна ею, причемъ сдѣланы были небольшія поправки, кажется, рукою самой Императрицы (лл. 44 — 56), собственноручно переписавшей, кромѣ того, нѣкоторыя изъ главъ (лл. 55—64); 5) наконецъ, при послѣдней редакціи Наказа текстъ подвергся небольшимъ, хотя и довольно существенным сокращеніямъ, особенно въ главѣ о «служащихъ» (=serfs), а также незначительнымъ перемѣнамъ въ стилѣ и способѣ ссылокъ («un pais» вмѣсто En France и т. п.), причемъ все сочиненіе разбито на статьи. —Первоначально императрица повидимому не вполнѣ точно опредѣлила матеріалъ, долженствовавшій войти въ составъ Наказа. Поэтому, кромѣ выписокъ, помѣщенныхъ въ манифестъ 14 дек. 1766 г. (лл. 39—41), среди «матеріаловъ» встрѣчаются замѣтки, сперва попавшія въ первую редакцію (л. 25), а потомъ выдѣленныя въ генералъ-прокурорскій Наказъ (лл. 41—44).

иногда встрѣчаются ссылки на статьи его для подтвержденія или разъясненія вновь издаваемыхъ законоположеній.

Если въ Наказѣ императрица высказывала общія начала предполагаемаго ею уложенія, то въ „коммиссіи сводовъ“, учрежденной до открытія дѣйствій „большого собранія“, думала подготовить историческій матеріалъ, необходимый для кодификаціонныхъ работъ по русскому праву.

Надзоръ за коммиссіей и общее управленіе ея дѣятельностью Екатерина поручила лицамъ, пользовавшимся ея довѣріемъ: кн. А. А. Вяземскому и А. И. Бибикову. Для участія-же въ занятіяхъ „большого собранія“ призваны были депутаты не только отъ присутственныхъ мѣстъ, но и отъ всѣхъ сословій (кромѣ крѣпостныхъ и духовенства). Такой способъ организаціи кодификаціонныхъ работъ вызванъ былъ, конечно, частью примѣромъ предшественниковъ императрицы Екатерины II, частью знакомствомъ ея съ иностранной политической литературой и съ нѣкоторыми изъ учрежденій западной Европы. Слѣдуетъ имѣть въ виду также, что осуществленіе всеобщей потребности въ новомъ уложеніи давало императрицѣ возможность взять на себя иниціативу и непосредственное руководство „эффектнымъ“ дѣломъ, которое должно было „занять ея подданныхъ“ и распространить славу мудрой законодательницы по всей Европѣ. Самыя задачи коммиссіи поставлены были чрезвычайно широко: предшествующія собранія работали въ сущности лишъ надъ двумя уложеніями (гражданскимъ и уголовнымъ), между тѣмъ какъ депутаты, созванные въ 1767 г., должны были сообщить императрицѣ о „нуждахъ и чувствительныхъ недостаткахъ каждой округи“, пересмотрѣть все законодательство и составить проектъ уложенія почти по всѣмъ отраслямъ государственной жизни.

Въ краткомъ очеркѣ намъ нѣтъ возможности останавливаться на организаціи этого дѣла и на работахъ депутатовъ, созванныхъ со всѣхъ концовъ Россіи; отмѣтимъ только два противоположныхъ отзыва современниковъ о значеніи „большой коммиссіи“, окончательно закрытой, какъ можно убѣдиться по нѣкоторымъ даннымъ, 4 декабря

1774 г. „Я предвидѣлъ, писалъ А. Т. Болотовъ, что изъ всего сего великаго предпріятія ничего не выйдетъ, что грома надѣлается много, людей оторвется отъ домовъ множество, денегъ на содержаніе ихъ истратится бездна, вранья, крика и вздора будетъ много, а дѣла изъ всего того не выйдетъ никакого и все кончится ничѣмъ". Однако, лица, принимавшія участіе въ дѣятельности коммиссіи и далеко не расположенныя судить о ней благосклонно, тѣмъ не менѣе отзывались о ея занятіяхъ иначе. „Важное въ сей коммиссіи, по словамъ кн. М. Щербатова, было то, что всякое состояніе людей всякаго уѣзду, черезъ свои наказы ихъ депутатамъ, объясняло свои нужды, а губернаторы объяснили состояніе ихъ губерній. И хотя, истину сказать, самые сіи наказы наполнены были тѣми же предубѣжденіями, каковыя въ голосахъ у депутатовъ являлись, но сія была грязь, изъ которой можно было много золота получить: ибо среди самаго непросвѣщенія, пристрастія и, можно сказать, безумія, каждый, однако, не оставлялъ объяснить, что ему тягостно быть казалось; присутственныя же мѣста въ своихъ наказахъ изъяснили, что̀ темно, что неудобоисполнительно и что̀ недостаточно въ законахъ находятъ, каждое по препорученнымъ ему дѣламъ; а сего и довольно для заготовленія вещей къ сочиненію законовъ". Это мнѣніе человѣка, далеко не безусловно поклонявшагося Екатеринѣ, тѣмъ не менѣе совпадаетъ съ собственнымъ ея взглядомъ на значеніе коммиссіи. Во-1-хъ, она признавала, что „коммиссія уложенія, бывъ въ собраніи, подала ей свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣетъ и о комъ пещись должно". Во 2-хъ, Наказъ коммиссіи, по ея мнѣнію, ввелъ „единство въ правило и въ разсужденія, не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ. По крайней мѣрѣ стали знать волю законодавца и по оной поступать". Ясно, такимъ образомъ, что коммиссія принесла свою долю пользы и обществу и правительству. Въ самомъ дѣлѣ, она оказала нѣкоторое вліяніе на реформу областныхъ установленій и на развитіе сословнаго строя: съ одной стороны депутаты укрѣпили верховную власть въ намѣреніи осу-

ществить эти преобразованія, съ другой — взаимнымъ обмѣномъ мыслей, спорами на засѣданіяхъ большого собранія и занятіями по различнымъ отраслямъ дѣйствующаго права въ частныхъ коммиссіяхъ сами подготовили себя къ принятію учрежденія о губерніяхъ и жалованныхъ грамотъ.

„Коммиссія уложенія, писала Екатерина, всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того бы сдѣлала, ежели бы Турецкая война не началась". Каковы бы ни были причины закрытія коммиссіи, во всякомъ случаѣ она не успѣла составить цѣльнаго свода, а тѣмъ паче сочинить новаго уложенія.

Разочаровавшись въ возможности сразу кодифицировать все русское право, императрица принялась за выполненіе по частямъ двойной задачи, предложенной коммиссіи: съ одной стороны, она рядомъ сепаратныхъ указовъ и „грамотъ" позаботилась объ улучшніи положенія русскаго общества и разграниченія интересовъ сословныхъ группъ, съ другой—такимъ же путемъ отдѣльными учредительными актами и мѣропріятіями попыталась упорядочить систему государственныхъ органовъ и установить дѣятельность ихъ на болѣе закономѣрныхъ основаніяхъ.

Бросимъ взглядъ на эту сословную и правительственную политику императрицы Екатерины II.

IV

Вопросъ о положеніи русскаго общества въ государствѣ былъ очереднымъ вопросомъ въ русской жизни второй половины XVIII вѣка. Естественно, поэтому, что императрица Екатерина II посвятила не мало труда для того, чтобы рѣшить его сообразно собственнымъ своимъ взглядамъ на задачи „самодержавнаго правленія" и на сословный строй.

I

Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что Екатерина содѣйствовала численному размноженію населенія, нужнаго, по ея мнѣнію, для развитія народнаго благосостоянія.

Выдающіеся европейскіе авторитеты XVII—XVIII вв. уже задолго до рожденія Екатерины считали размноженіе населенія одною изъ основныхъ задачъ мудраго правленія. Императрица, конечно, слѣдовала этому правилу, высказанному большинствомъ, извѣстныхъ ей писателей (Локкомъ, Монтескье, Бильфельдомъ, Юсти, Вольтеромъ, Руссо и особенно Зонненфельсомъ. а также Татищевымъ и Ломоносовымъ) и сама не замедлила обнародовать его въ Наказѣ. „Одна изъ верховныхъ должностей и добродѣтелей каждаго боголюбиваго владѣтеля, писала она въ двѣнадцатой главѣ своей инструкціи состоитъ въ умноженіи полезныхъ обществу жителей; поэтому не можно сыскать довольно ободреній къ размноженію народа въ государствѣ“. Но, не довольствуясь теоріей, императрица Екатерина попыталась осуществить эти взгляды на практикѣ.

Частная коммиссія о размноженіи народа (1767 г.) въ числѣ причинъ, мѣшавшихъ росту населенія, отмѣтила „препятствія по дальнымъ свойствамъ въ бракахъ“, т.-е. невозможность заключать ихъ хотя бы отдаленнымъ родственникамъ между собою, и „весьма раннюю женитьбу у земледѣльцевъ, кои дѣтей своихъ стараются женить для работъ лѣтъ 12 и меньше, а притомъ на взрослыхъ дѣвкахъ“. Хотя Екатерина прямо и не устранила этихъ причинъ, лежавшихъ въ народныхъ обычаяхъ и мало поддававшихся воздѣйствію правительства, тѣмъ не менѣе, учрежденіемъ народныхъ училищъ и мѣрами по развитію народнаго хозяйства косвенно могла ослабить ихъ значеніе. Указъ о невѣнчаніи малолѣтнихъ жениховъ съ „возрастными дѣвками“, прямо направленный противъ одного изъ перечисленныхъ золъ, едвали получилъ надлежащее примѣненіе въ дѣйствительной жизни. Менѣе затруднительно было устроить уходъ за незаконнорожденными младенцами, нужный для предупрежденія ихъ чрезмѣрной смертности. Этой цѣли императрица думала достигнуть основаніемъ Воспитательнаго дома, предназначеннаго между прочимъ для „попеченія о умноженіи полезныхъ обществу жителей“ (1763 г.). Вообще, присмотръ за младенцами (въ томъ числѣ и рожденными въ закон-

номъ бракѣ), вѣроятно, нѣсколько улучшился по изданіи устава о повивальныхъ бабкахъ.

Вопросы народной гигіены также обращали на себя вниманіе императрицы. Сама она рѣшилась привить себѣ оспу въ 1768 г., и вскорѣ той же мѣрѣ предосторожности подвергла цесаревича Павла. Слухи о „великой отважности императрицы“ проникли всюду; ея примѣръ, конечно, увлекъ и придворныхъ, а Вольно-Экономическое Общество не мало содѣйствовало распространенію оспопрививанія въ низшихъ классахъ населенія. Съ введеніемъ учрежденія о губерніяхъ (7-го ноября 1775 г.) попеченія о народномъ здравіи получили болѣе устойчивую организацію: открытые въ 40 изъ нихъ приказы общественнаго призрѣнія должны были, между прочимъ, завести сиротскіе дома, больницы и богадѣльни, дома для неизлѣчимо больныхъ, для сумасшедшихъ и работные (для доставленія работы нуждающимся); въ силу „учрежденія 7-го ноября“ тѣ же приказы заботились объ основаніи аптекъ, на что каждому изъ нихъ было ассигновано единовременно 15.000 рублей, и вообще наблюдали за всѣми этими установленіями. Кромѣ того, аптеки получили дальнѣйшую организацію съ изданіемъ „аптекарскаго устава“ 1789 года. Въ тѣсной связи съ мѣрами по народной гигіенѣ стоялъ и вопросъ о народномъ продовольствіи, получившемъ, благодаря попеченіямъ Екатерины II, менѣе случайный и произвольный характеръ, чѣмъ то было раньше. Кое-гдѣ напримѣръ, заведены были хлѣбные магазины; они появились не только въ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ деревняхъ.

На ряду съ этими мѣропріятіями, имѣвшими въ виду болѣе или менѣе постоянныя явленія народной жизни, можно поставить еще и такія, которыя преслѣдовали болѣе случайныя, хотя въ данное время и не менѣе существенныя цѣли. На неустойчивость населенія вліяли, напримѣръ, постоянные побѣги его за границу. Борьба съ этимъ зломъ, продолжавшаяся въ теченіе всего XVIII вѣка, естественно привлекла вниманіе Екатерины, издавшей до 50 указовъ о бѣглыхъ, отличныхъ, однако, отъ предше-

ствовавшихъ распоряженій этого рода по своему направленію. „Чтобы прекратить побѣги, читаемъ мы въ одномъ изъ нихъ, нужно отнять къ онымъ поводъ и способы". Поэтому въ указахъ о бѣглыхъ не разъ было обѣщано смягченіе ихъ положенія. Удерживая наличное населеніе въ предѣлахъ имперіи, Екатерина II заботилась также о привлеченіи чужеземныхъ поселенцевъ въ Россію, въ виду чего и учредила канцелярію опекунства иностранныхъ колонистовъ (1763 г.). Манифестъ о переселеніи иностранцевъ предоставлялъ имъ разнаго рода льготы и привилегіи при пользованіи земельными участками, лежавшими, главнымъ образомъ между Саратовымъ и Астраханью, въ Новой Сербіи и въ восточныхъ областяхъ.

Разнообразныя средства, къ какимъ прибѣгала Екатерина для размноженія населенія, вѣроятно, не пропали даромъ. Численность его, во всякомъ случаѣ, возросла съ 19—20 милліоновъ (въ 1762 г.) до 29 (въ 1796 г.), не считая населенія вновь пріобрѣтенныхъ при Екатеринѣ мѣстностей. Можно думать, что годичный (ариѳметическій) приростъ населенія за эти 34 года, равный 2 или 2,25%, значительно превышалъ приростъ его въ предшествующее время.

2.

Обширное населеніе Россійской имперіи не могло, конечно, представлять однородной массы; строеніе ея зависѣло отъ того положенія, какое заняло лицо въ русскомъ обществѣ и государствѣ XVIII-го вѣка.

Реформа Петра В. хотя и не создала лица, какъ самостоятельной единицы общественнаго строенія, но во всякомъ случаѣ расчистила ту почву, на которой свободно могла съ теченіемъ времени развиться человѣческая личность. Русскій человѣкъ начала XVIII в. уже находилъ въ новомъ образованіи и болѣе оживленной, а также усовершенствованной хозяйственной дѣятельности духовную и матеріальную опору для проявленія своей личной инициативы и самостоятельности, которыя вліяли на развитіе его индивидуальности. Въ то время впервые къ русскому обществу стали прививаться и теоріи естественнаго права,

способствовавшія распространенію и утвержденію понятій о личныхъ и имущественныхъ правахъ человѣка, получившихъ впослѣдствіи доступъ въ наше законодательство. Правительство не только косвенно, но и прямо содѣйствовало образованію такихъ результатовъ цѣлымъ рядомъ указовъ.

Императрица Екатерина хорошо понимала значеніе этихъ явленій. „Два есть оссы (т.-е. оси), писала она, на которыхъ должна вертѣться вся громада законовъ: первое юстіитская голова съ ея отраслами, а просто сказать правила о безопасности особы всякаго жителя въ имперіи; другая ось есть о владѣніи имѣній съ наслѣдствы или безопасность во владѣніи имѣніемъ всякой особы въ имперіи. Есть ли около сихъ двухъ безпрепятственно будутъ колеса вертѣться, т.-е. правосудіе безпрепятственно будетъ имѣть теченіе, то можно почесть, что государство приведено въ твердое состояніе, понеже всякій живущій въ имперіи будетъ тогда почитать, что его благополучіе зависитъ отъ непремѣнныхъ оныхъ узаконеній“. Взгляды, изложенные въ этой замѣткѣ, императрица попыталась развить въ проектѣ „гражданскихъ законовъ“; въ предисловіи къ проекту (начала 1774 года) указаны цѣли сочиненія ихъ, согласныя съ вышеприведенными теоріями; но самый проектъ, повидимому, не былъ осуществленъ.

Причины такой неудачи едва ли принадлежали къ разряду случайныхъ: слишкомъ рано было думать о свободной человѣческой личности внѣ подчиненія ея той общественной группѣ, къ которой она принадлежала въ силу обстоятельствъ. И дѣйствительно, лицо съ самаго начала XVIII вѣка стояло еще беззащитнымъ передъ государствомъ: между тѣмъ и другимъ не существовало никакихъ преградъ. Поэтому, дальнѣйшая судьба „личнаго начала“ поставлена была въ зависимость отъ образованія прочныхъ сословно-общественныхъ группъ, въ предѣлахъ которыхъ личность и продолжала развиваться.

Человѣку новаго времени трудно было, однако, осуществить болѣе или менѣе сложныя гражданскія права въ тѣхъ старинныхъ дворовыхъ и служебныхъ (т.-е. тяглыхъ или

служилыхъ) союзахъ, которые выросли въ Россіи задолго до XVIII вѣка. Ни тотъ, ни другой видъ этихъ союзовъ не удовлетворялъ насущнымъ потребностямъ живой и свободной человѣческой личности; поэтому, когда послѣдняя въ XVIII в. постепенно стала заполняться содержаніемъ, она все менѣе и менѣе соглашалась довольствоваться прежней законной сферой обязательной дѣятельности, отведенной ей правительствомъ, и стремилась выйти изъ круга этихъ отношеній на волю. Старыя формы общественности стояли не прочно: задружные союзы теряли внутреннюю связь, нѣкогда объединявшую ихъ членовъ между собою, а тяглые и служилые не могли вырастить ее въ своихъ нѣдрахъ. Стремленіе къ личной свободѣ пробилось наружу сквозь эту порастрескавшуюся оболочку; стали образовываться новыя соединенія, въ основѣ которыхъ лежали не такъ давно зародившіеся сословные интересы русскаго общества. Возникновеніе ихъ тѣсно было связано съ разложеніемъ старинныхъ формъ нашей общественности. Каждый человѣкъ въ первой половинѣ XVIII в. хотѣлъ перетянуть на свою долю возможно большую сумму правъ, какую при наличныхъ своихъ средствахъ онъ могъ себѣ представить. Для этого, однако, недостаточно было выпутаться изъ задружныхъ или служебныхъ отношеній; въ одиночку, вполнѣ независимо отъ другихъ, онъ не надѣялся справиться съ могучими силами государства, да и чувствовалъ вредныя послѣдствія такихъ одиночныхъ попытокъ, которыя приводили къ принципіальному оправданію кулачества въ деревнѣ, монополій въ торговлѣ и фаворитизма на службѣ. Онъ понималъ, что въ союзѣ съ лицами, попавшими въ такое же положеніе, какъ и онъ самъ, каждому можно будетъ найти опору для своихъ собственныхъ законныхъ претензій при предъявленіи ихъ государственной власти и поэтому соглашался поступиться частью желанныхъ преимуществъ въ пользу такихъ лицъ. Словомъ, въ глазахъ русскаго человѣка половины XVIII в. сословная группа болѣе и болѣе становилась обществомъ взаимнаго страхованія свободной жизнедѣятельности каждаго изъ ея членовъ, наилучшей политической гарантіей

его гражданскихъ правъ. Всѣ эти идеи, выращенныя самою жизнью, мало-по-малу пробились въ сознаніе русскаго общества и встрѣтились здѣсь съ довольно смутными общественными идеалами, пересаженными сюда съ Запада.

Такимъ образомъ, понятіе о лицѣ, т.-е. особѣ надѣленной опредѣленными гражданскими правами (личными и имущественными), находилось въ прямой зависимости отъ понятія о государственныхъ родахъ, на которые распадалось современное Екатеринѣ общество. Изъ такого воззрѣнія вытекали слѣдующія общія положенія: 1) Каждому лицу принадлежатъ лишь тѣ права, какія присущи его состоянію (status); 2) лицо пользуется ими до тѣхъ поръ, пока не перемѣнитъ своего состоянія на другое, 3) съ переходомъ лица изъ одного состоянія въ другое соотвѣтственно мѣняется и его правоспособность.

Императрица немало содѣйствовала развитію этого процесса, частью косвенно—своей экономической и просвѣтительной политикой, частью прямо—путемъ установленія сословныхъ отношеній общественныхъ группъ другъ къ другу въ законѣ.

3.

Вопросъ о положеніи лица въ государствѣ поставленъ былъ, какъ видно, въ прямую зависимость отъ вопроса о сословной организаціи русскаго общества. А зачатки подобнаго рода организаціи стали складываться въ Россіи задолго до вступленія на престолъ Екатерины и продолжали развиваться отчасти независимо отъ вліянія императрицы. Но если Екатерина не создала сословности, то она тѣмъ не менѣе способствовала развитію ея и направила послѣднее сообразно съ тѣми цѣлями, какія преслѣдовала ея внутренняя политика. На эту роль государыни необходимо обратить вниманіе.

Въ образованіи сословнаго строя дѣйствовали факторы экономическаго и духовнаго порядка.

Экономическая политика Екатерины, не разъ прибѣгавшей въ веденіи ея къ помощи извѣстнаго дѣльца Г. Н. Теплова, съ указанной точки зрѣнія имѣла значеніе, главнымъ образомъ, поскольку коснулась вопросовъ о произ-

водствѣ и распредѣленіи главнымъ образомъ недвижимыхъ имуществъ.

Рѣшеніе перваго изъ нихъ скорѣе повліяло на судьбу низшихъ классовъ, рѣшеніе второго особенно сильно отозвалось на положеніи высшихъ слоевъ общества.

Вообще можно сказать, что политика императрицы Екатерины содѣйствовала развитію хозяйственныхъ занятій, служившихъ отличительными признаками разныхъ общественныхъ группъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ царствованіе Екатерины II пріобрѣтена была почти вся черноземная полоса; сюда стала передвигаться часть населенія сѣверной и средней Россіи, что можно доказать сравненіемъ статистическихъ данныхъ о населеніи по губерніямъ въ 1724—1885 гг.; этотъ процессъ постепенно способствовалъ развитію земледѣлія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сама природа наиболѣе пригодна для процвѣтанія подобнаго рода занятій. Такимъ образомъ земледѣльческая культура впервые со второй половины XVIII вѣка получила прочное основаніе и болѣе устойчивое значеніе въ русскомъ хозяйствѣ. При этомъ вывозъ хлѣба за границу значительно усилился (размѣры вывоза пшеницы изъ главныхъ портовъ, кромѣ остзейскихъ, въ 1779 г., напримѣръ, превышали размѣры вывоза того же продукта въ 1766 г. въ девять слишкомъ разъ), что, вѣроятно, содѣйствовало повышенію цѣнъ на хлѣбъ, которыя съ 1760-хъ гг. возрасли втрое. Подобное явленіе, конечно, побуждающимъ образомъ должно было дѣйствовать на земледѣліе.

На ряду съ экономическими причинами и духовныя вліяли на развитіе той же отрасли производства: Екатерина придерживалась физіократическихъ взглядовъ, впрочемъ довольно неопредѣленныхъ и способствовала ихъ распространенію въ русскомъ обществѣ. Кромѣ того, въ Наказѣ императрица высказывала пожеланіе, чтобы въ Россіи появились книги, „изданныя о земледѣліи, изъ которыхъ каждый крестьянинъ могъ бы въ своихъ недоумѣніяхъ пользоваться наставленіями“. Позднѣе дѣйствительно вышли русскіе переводы нѣсколькихъ такихъ книгъ,

чему не мало способствовало и основанное императрицей Вольно-Экономическое Общество; изъ записокъ современниковъ видно, напримѣръ, какое вліяніе имѣли его изданія на повышеніе интереса къ сельскому хозяйству.

Не менѣе благотворны были мѣры Екатерины по части русской промышленности и торговли. Екатерина стояла за свободную конкурренцію въ производствѣ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ даннаго (средняго) класса. Поэтому уже указомъ 31-го іюля 1762 года она старалась подорвать ту систему монополій, которая такъ сильно развилась въ концѣ предшествовавшаго царствованія; противъ этого зла императрица боролась постоянно. Не менѣе замѣчательна и та новая точка зрѣнія, которая позднѣе высказана была правительствомъ о фабрикахъ, какъ объектѣ имущественныхъ правъ: въ силу указа 1780 г. „принадлежащія частнымъ людямъ собственно фабрики и мануфактуры не инако должны быть разумѣемы, какъ собственное имѣніе, которымъ каждый можетъ свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволенія отъ начальства". Такимъ образомъ, правительство съ этого времени стало признавать возможность свободнаго развитія фабричнаго производства, независимо отъ правительственнаго принужденія. Мѣропріятія подобнаго рода благопріятствовали росту частнаго крупнаго производства. Дѣйствительно, при вступленіи Екатерины на престолъ можно было насчитать всего до 500 фабрикъ, между тѣмъ какъ къ концу столѣтія ихъ оказалось въ четыре раза больше; во всякомъ случаѣ число важнѣйшихъ изъ нихъ къ этому времени, повидимому, возрасло приблизительно на 40%.—Фабричное дѣло развивалось, нетолько въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи.

Сравнительно съ прежнимъ временемъ замѣтно выдвинулось производство полотенъ и шелковыхъ тканей, стекла и золотыхъ, а также серебряныхъ издѣлій; еще болѣе развились фабрики купоросныя и сахарныя, суконныя (а также изготовлявшія другія шерстяныя матеріи) и ситцевыя; наконецъ за тоже время появились и новыя фабрики: красильныя. Вообще кожевенныя, шелковыя, полотняныя, а затѣмъ

и суконныя фабрики къ концу вѣка превосходили своею численностью остальныя. Крупное производство, какъ видно, начинало сообразоваться не только съ правительственными но и съ общественными нуждами, а это придавало указу 1780 г. не одно формальное значенiе.

Развитiю крупнаго производства способствовало также отчасти имъ же самимъ вызванное усиленiе обращенiя богатствъ. Просвѣщенные взгляды и политика императрицы Екатерины не мало содѣйствовали этому. „Коммерцiя, писала Екатерина И. Неплюеву, по большей части процвѣтаетъ вольностью и свободою“. Поэтому въ ея царствованiе привилегiи разныхъ торговыхъ компанiй были уничтожены такъ же, какъ и откупы на таможенные сборы; притомъ меркантилизмъ въ глазахъ императрицы уже потерялъ прежнее свое значенiе, что давало большiй просторъ ввозу. Далѣе, Екатерина позаботилась о введенiи болѣе однороднаго и устойчиваго курса на металлическую валюту и о замѣнѣ мѣдныхъ денегъ ассигнацiями (съ 1769 г.), первоначально „знатно облегчившей самымъ дѣломъ обращенiе“; послѣднее обстоятельство, разумѣется, имѣло положительное значенiе не надолго. Наконецъ, появленiе новыхъ кредитныхъ установленiй (открытiе банковъ 1762 и 1786 г.: государственнаго, ссудной и сохранной казны) для всѣхъ сословiй, причемъ въ разрядъ банковыхъ операцiй включены нетолько выдача ссудъ, но съ 1770 г. и прiемъ вкладовъ на храненiе съ платежомъ процентовъ вкладчику, должно было оживить торговлю. При такихъ условiяхъ торговля, развитiю которой способствовало улучшенiе путей сообщенiя и почтъ, а также зарожденiе торговаго флота, вызывавшаго столь мало заботъ до этого времени, должна была усилиться тѣмъ болѣе, что возможность правильныхъ торговыхъ сношенiй была гарантирована внутри государства новымъ уставомъ купеческаго водоходства, а внѣ его границъ извѣстною „морскою конвенцiей для охраненiя нейтральнаго торговаго кораблеплаванiя“ 1780 г. и учрежденiемъ генеральныхъ консульствъ въ нѣсколькихъ заграничныхъ портахъ. И дѣйствительно, тогда какъ вывозъ въ 1762 г. не превышалъ 13 мил. руб., размѣры его къ концу

столѣтія доходили до 57 мил.; ввозъ за тотъ же періодъ времени возросъ почти въ одинаковой степени, ибо съ 8 мил. (съ небольшимъ) перешелъ на 39 мил. Итакъ ввозъ, повидимому, развивался нѣсколько быстрѣе вывоза, несмотря на то, что послѣ тарифа 1766 г. понизившаго ввозныя пошлины, изданъ былъ новый тарифъ 1782 г., менѣе благопріятный въ этомъ отношеніи.

Сверхъ того, не мѣшаетъ замѣтить что въ то же время окончательно выяснилось положеніе Россіи на международномъ рынкѣ: вывозъ жизненныхъ припасовъ и матеріаловъ для промышленной обработки значительно возросъ въ ущербъ вывозу разнаго рода издѣлій и товаровъ; обратныя перемѣны произошли въ ввозѣ. Россія, такимъ образомъ, все болѣе стала поставлять сырье на международный рынокъ и получать отсюда предметы обрабатывающей промышленности. Этотъ процессъ былъ нѣсколько пріостановленъ изданнымъ Императрицей Екатериной тарифомъ 1782 г. и позднѣйшими распоряженіями, задержавшими привозъ въ Россію многихъ предметовъ роскоши.

Заботы Екатерины простирались не только на усиленіе обрабатывающей и передаточной промышленности, но и на развитіе духовныхъ силъ, нужныхъ для ея преуспѣянія. „Честность (вмѣстѣ съ кредитомъ) — душа коммерціи", писала она въ Наказѣ. Можетъ быть подъ вліяніемъ этой мысли Екатерина и заботилась объ образованіи промышленнаго торговаго класса: во всякомъ случаѣ она поощряла путешествія молодыхъ купцовъ за границу, основала коммерческое училище и Академію Художествъ съ „воспитательной школой" для мѣщанскихъ мальчиковъ и, кромѣ того, издавала и безденежно распространяла книги, „полезныя купечеству"; согласно ея желанію Вольно-Экономическое Общество также должно было изучать вопросы подобнаго рода.

Правительственная политика, какъ видно, значительно повліяла на производство и усилила различія между занятіями земледѣльческаго населенія и занятіями промышленно-торговаго класса, а это давало экономическія основанія для разграниченія ихъ сословныхъ интересовъ, и между

собою и по отношенію къ высшимъ слоямъ общества. „Земледѣльцы (т.-е. крестьяне), писала, напримѣръ, Екатерина, живутъ въ селахъ и деревняхъ и обрабатываютъ землю, изъ которой произрастающіе плоды питаютъ всякаго состоянія людей; и сей есть ихъ жребій". Такой взглядъ, однако, невозможно было послѣдовательно провести въ законодательствѣ: въ силу указа 1776 г., напр., крестьянъ, производившихъ купеческіе промыслы, пришлось включить въ составъ купеческихъ гильдій, а черезъ годъ такимъ же образомъ велѣно было поступать съ крестьянами, желавшими записаться и имѣвшими на то законное увольненіе отъ своихъ помѣщиковъ или отъ своихъ вѣдомствъ. Промышленно-торговыя занятія, напротивъ, по мнѣнію императрицы, должны были характеризовать средній родъ людей; соотвѣтственно этому она подтвердила (въ 1762 и 1784 гг.) указъ своего предшественника, запрещавшій покупку деревень къ заводамъ и фабрикамъ. Фактически, однако, купцы и фабриканты нерѣдко принадлежали и къ землевладѣльческому или крѣпостническому классу; само правительство не въ силахъ было вполнѣ уничтожить эти злоупотребленія. Занятія, приличныя для купечества, оказывались, однако, съ точки зрѣнія Екатерины несовмѣстимыми съ достоинствомъ „благороднаго". „Противно существу самодержавнаго правленія, читаемъ мы въ Наказѣ, чтобы въ ономъ дворянство торговлю производило"; оно должно хозяйничать въ собственныхъ населенныхъ имѣніяхъ или отправлять гражданскую и военную службу во славу самодержавнаго правленія, а не заниматься торговыми дѣлами. Тѣмъ не менѣе императрица подтвердила право дворянамъ содержать заводы и фабрики „по деревнямъ и вести оптовую торговлю произведеніями собственныхъ хозяйствъ, даже заграницу, а также предоставила имъ возможность (въ 1786 г.) входить во всякаго рода откупы и подряды, свойственные дворянской собственности. Впрочемъ, она съ неудовольствіемъ смотрѣла на тѣхъ изъ нихъ, которые широко пользовались этой привилегіей, а записываніе ихъ въ гильдіи окончательно воспретила указомъ 1790 года (октября 26).

Пріуроченіе опредѣленныхъ хозяйственныхъ занятій къ извѣстнымъ классамъ общества, какъ видно, не могло быть выполнено и нарушалось главнымъ образомъ въ пользу высшаго дворянскаго класса, который черезъ посредство своихъ крѣпостныхъ или лично получалъ возможность участвовать въ производительной дѣятельности, принципіально принадлежавшей одному среднему состоянію.

Экономическая политика императрицы Екатерины II однако не только направлена была на то, чтобы удержать опредѣленныя отрасли производства, за низшими классами, но повліяла и на болѣе рѣзкое распредѣленіе недвижимыхъ поземельныхъ имуществъ между ними и высшими слоями общества.

Государственное межеваніе, предпринятое въ 1765 г. (коммиссія о межеваніи учреждена 5 марта 1765 г.) привело къ тремъ особенно важнымъ послѣдствіямъ: къ отобранію въ казну многихъ земель, распаханныхъ помѣщичьими крестьянами, безъ правъ на это, что естественно должно было вызвать сокращеніе крестьянскихъ запашекъ и отозваться на ихъ благосостояніи; далѣе, къ лишенію имѣній лицъ изъ средняго класса, незаконно ими владѣвшихъ и, наконецъ, къ укрѣпленію за землевладѣльцами законно принадлежавшихъ имъ имѣній, причемъ этимъ лицамъ предоставлена была возможность выкупить изъ казны часть припаханныхъ ими земель. Государственное межеваніе, такимъ образомъ, поставило въ болѣе опредѣленныя отношенія казну и дворянство, какъ главнѣйшихъ представителей землевладѣнія того времени.

Контингентъ государственныхъ земель и крестьянъ значительно увеличился послѣ окончательной секуляризаціи имѣній духовенства (1764 г.), такъ какъ крестьянъ за нимъ числилось въ это время около 1 мил. душъ мужескаго пола [1]. Но и количество земель съ крестьянами, принадлежавшими дворянству, также сильно возрасло, бла-

[1] Впрочемъ, судя по „вѣдомости, учиненной изъ присланныхъ въ 1760 году отъ губернаторовъ вѣдомостей, сколько по послѣдней ревизіи положенныхъ въ подушный окладъ душъ принадлежащихъ коронѣ счи-

годаря раздачѣ императрицей большого числа населенныхъ имѣній; въ самомъ дѣлѣ, всего за царствованіе Екатерины II пожаловано было до 400.000 душъ мужескаго пола или до 800.000 душъ обоего пола, т.-е. на 300.000 душъ обоего пола больше того, что было роздано почти за такой же срокъ отъ 1725 по 1762 г. Землевладѣніе, какъ видно, становилось исключительнымъ атрибутомъ казны и дворянства, въ отличіе его отъ остальныхъ классовъ населенія.

Таковы были важнѣйшія мѣропріятія Екатерины II, содѣйствовавшія развитію экономическихъ факторовъ въ образованіи сословнаго строенія русскаго общества.

Выше мы уже указывали на то, что это строеніе отчасти вызвано было не только хозяйственными, но и духовными факторами, сыгравшими подъ вліяніемъ правительства довольно видную роль въ первоначальномъ развитіи преимущественно однихъ высшихъ сословій (дворянства и духовенства). Императрица Екатерина въ извѣстной мѣрѣ, обезпечила и даже поддержала прежній порядокъ вещей. Ближайшими и главными помощниками ея въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія нельзя не признать И. И. Бецкаго и Ѳ. И. Янковича де Миріево.

Важнѣйшимъ изъ духовныхъ факторовъ въ образованіи сословнаго строя надо считать обязательно-сословное образованіе, наслѣдственно получаемое членами одного и того же общественнаго слоя. Правда, что профессіональный характеръ его значительно ослабѣлъ (напр., въ кадетскомъ корпусѣ), а обязательность окончательно уничтожена была при Екатеринѣ; но теперь сами сословія готовы были смотрѣть на такое образованіе не какъ на обязанность, а какъ на свою привилегію. Начало сословности, хотя и стало менѣе исключительнымъ, однако, также продолжало держаться въ среднемъ образованіи, гдѣ на ряду съ прежними профессіонально-сословными заведеніями появились новыя, отличныя отъ нихъ лишь тѣмъ, что давали воспитаніе

таетcя", экономическихъ крестьянъ числилось тогда (въ Великороссіи и Сибири) нѣсколько болѣе общепринятой цифры, т.-е. 992,000, а 1.006,021 д. м. п.

вмѣстѣ съ образованіемъ въ сословномъ духѣ порознь дѣтямъ обоего пола. Новыя школы предназначались не только для высшихъ классовъ, но и для средняго (напр., коммерческое училище); при этомъ составъ учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ, число которыхъ замѣтно возросло при Екатеринѣ II, существенно измѣнился: довольно пестрый въ первой половинѣ XVIII вѣка, онъ въ это время ограниченъ былъ дѣтьми однихъ церковно-служителей. Итакъ, сословный характеръ образованія все еще ясно сказывался въ системѣ, принятой императрицей Екатериной II-й.

Нельзя сказать, однако, чтобы ученица Локка удовлетворилась началомъ сословнаго образованія. Общеобразовательная и безсословная школа, преслѣдующая педагогическія, а не профессіональныя цѣли, впервые утвердилась въ Россіи въ ея царствованіе и благодаря ея собственной дѣятельности, что, разумѣется, несогласно было съ началомъ сословности въ образованіи. Коммиссія объ устройствѣ народныхъ училищъ въ Россіи, основанная императрицей въ 1782 г., къ концу прошлаго вѣка (1796 г.) учредила до 316 народныхъ училищъ, въ которыхъ болѣе 17.000 дѣтей обоего пола (преимущественно мальчиковъ) и разныхъ состояній получали общее образованіе; университетскіе курсы, о которыхъ заботилась Екатерина, также предназначены были для лицъ, происходившихъ изъ разныхъ слоевъ общества.

Тѣмъ не менѣе система образованія при Екатеринѣ не утратила сословнаго характера. Живучесть этого начала, быть можетъ, объясняется популярностью тѣхъ идей о сословномъ государствѣ, которыя высказывались на западѣ многими авторитетами и были восприняты Екатериной; не только сама она несомнѣнно находилась подъ ихъ обаяніемъ, но и въ русскомъ обществѣ содѣйствовала распространенію тѣхъ же взглядовъ.

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что императрица Екатерина подчинялась вліянію слагавшейся до нея организаціи русскаго общества, почему и расширила, и усилила дѣйствіе факторовъ, сыгравшихъ подъ давленіемъ законодательства важную роль въ образованіи сослов-

наго строя; вмѣстѣ съ тѣмъ она, однако, принуждена была сдѣлать нѣсколько уступокъ въ пользу такого распредѣленія хозяйственныхъ и духовныхъ средствъ между общественными группами, которое болѣе соотвѣтствовало естественнымъ условіямъ развитія безсословнаго государства.

IV

Перейдемъ теперь къ краткому обозрѣнію внутренней политики Екатерины, прямо обращенной на формировку русскаго общественнаго строя.

Задача эта, по ея мнѣнію, сводилась, главнымъ образомъ, къ возможно болѣе правильному разграниченію сословныхъ интересовъ въ законѣ. Такая точка зрѣнія имѣла свои основанія: общественный разладъ въ то время зависѣлъ не столько отъ фактическаго положенія, въ какомъ находились разные классы, сколько отъ безправія однихъ и привилегированности другихъ.

Для того, однако, чтобы прочно установить опредѣленныя нормы, нужно было подготовить и твердыя гарантіи въ ихъ исполненіи. Реальныхъ гарантій въ самомъ быту Екатеринѣ такъ и не удалось разыскать, быть можетъ потому, что она объ этомъ дѣлѣ заблаговременно не подумала или боялась приниматься за такую кропотливую, малозамѣтную работу, результаты которой были еще далеко впереди. О формальныхъ гарантіяхъ императрица также вспомнила не сразу, хотя и дала ихъ обществу въ видѣ мѣстныхъ учрежденій, введенныхъ губернской реформой 1775 г.

Какъ бы то ни было, вопросъ о разграниченіи сословныхъ интересовъ Екатерина думала первоначально обсудить въ частныхъ коммиссіяхъ съ бюрократическимъ характеромъ, учрежденныхъ въ 1763—1765 гг. Затѣмъ, не удовлетворившись ихъ дѣятельностью, она, какъ извѣстно, поручила осуществленіе той же задачи большой коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія; хотя и работы депутатовъ не приведены были къ окончанію, однако, ихъ мнѣнія и проекты многое выяснили самой императрицѣ и отчасти

предрѣшили направленіе ея сословной политики. Осуществленію этихъ задачъ способствовали конечно, и статсъ-секретари Екатерины, и нѣкоторые изъ ея приближенныхъ.

На низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы стояли крестьяне, самый многолюдный классъ русскаго общества. Положеніе важнѣйшихъ изъ разрядовъ этого слоя не было одинаковымъ.

Казенные крестьяне (дворовые и государственные), число которыхъ значительно увеличилось по секуляризаціи имѣній духовенства и по присоединеніи къ нимъ однодворцевъ (1764 г.), а также нѣкоторыхъ второстепенныхъ разрядовъ населенія, менѣе другихъ нуждались въ улучшеніи своего быта [1]: эта группа крестьянъ оставалась относительно свободной, за исключеніемъ развѣ однихъ „приписныхъ", находившихся въ тяжелой фактической зависимости отъ владѣльцевъ частныхъ заводовъ. Хотя императрица въ одной изъ своихъ собственноручныхъ замѣтокъ и выразила твердое намѣреніе „освободить всѣхъ государственныхъ дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ", даже тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ пожалованы, „кой часъ положеніе сдѣлано будетъ, какъ имъ быть", однако, судьба этихъ классовъ, значительно уравненныхъ между собою, существенно ни въ чемъ не измѣнилась въ теченіе ея царствованія; лишъ бытъ приписныхъ крестьянъ былъ нѣсколько улучшенъ благодаря указамъ 1779 и слѣдующихъ годовъ.

Гораздо тяжелѣе было положеніе крѣпостныхъ, число которыхъ нѣсколько превосходило количество казенныхъ крестьянъ.

Вопросъ о личныхъ и имущественныхъ правахъ крѣпостныхъ крестьянъ не назрѣлъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда все населеніе одинаково было закрѣпощено государству и частный характеръ крестьянской крѣпости еще не вполнѣ выяснился. Но послѣ того, какъ

[1] Судя по «вѣдомости учиненной изъ присланныхъ въ 1769 г. отъ губернаторовъ вѣдомостей, сколько по послѣдней ревизіи положенныхъ въ подушный окладъ душъ, принадлежащихъ коронѣ считается» количество казенныхъ крестьянъ доходило до 3.380,372 д. м. п., что составитъ около 46% всего крестьянскаго населенія Великороссіи и Сибири.

со второй половины XVIII вѣка крестьяне оказались единственнымъ классомъ, крѣпкимъ дворянскому сословію, а дворянство, напротивъ, получило „вольность“, причемъ власть его надъ крѣпостными стали отличать отъ государственной власти, вопросъ о положеніи ихъ въ обществѣ выступилъ рѣзче прежняго на первый планъ. Въ то время начали также сознавать, что „крестьянство, яко весьма многолюдный, полезный и необходимый родъ государственный, приносящій не токмо помѣщику, но и самому государству пользу и необходимыя надобности, имѣетъ право столько же, какъ и прочіе государственные роды, требовать защищенія отъ причиняемыхъ ему насилій, тѣмъ наипаче, что если при всѣхъ суровостяхъ помѣщиковыхъ отказать крестьянину въ семъ послѣднемъ его прибѣжищѣ, то ему ничего иного не останется, какъ одно только отчаяніе, побѣгъ и чтобы возстать противъ своего господина“.

Императрица Екатерина хорошо усвоила себѣ эти взгляды. Она первая изъ русскихъ государей рѣшительно высказала мысль о томъ, что крѣпостной—такой же человѣкъ, какъ и его господинъ, и съ ѣдкою ироніей вывела послѣдствія обратнаго взгляда. „Есть ли крѣпостного нельзя признать персоною, читаемъ мы въ одной изъ ея собственноручныхъ замѣтокъ, слѣдовательно, онъ не человѣкъ; но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все что слѣдуетъ [говорится] о рабѣ есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано“. Крѣпостной въ глазахъ Екатерины былъ не только человѣкомъ, но и персоною, т.-е. долженъ былъ быть особою, надѣленною извѣстными личными и имущественными правами. „Естественная вольность“ даже въ средѣ крестьянъ должна была подлежать возможно меньшимъ ограниченіямъ. Эта мысль всенародно высказана была въ видѣ вопроса, предложеннаго Вольно-Экономическому Обществу и въ видѣ общаго принципа въ XI гл. Наказа. Идеи, провозглашенныя императрицей, многими живо обсуждались и въ обществѣ и въ коммиссіи, многихъ про-

светили и большинство членовъ коммиссіи 1767—1774 г. склонили въ пользу улучшенія крестьянскаго быта.

Но всѣ эти pia desideria легче было высказать, чѣмъ осуществить на дѣлѣ.

Крѣпостное право, окончательно сложившееся въ сущности лишъ послѣ первой ревизіи, при Екатеринѣ еще не отжило; простое смягченіе его сопряжено было съ цѣлымъ рядомъ практическихъ затрудненій, на которыя охотно указывали дворяне и которыя не могли не смущать императрицу. Но были и другія обстоятельства, затруднявшія проведеніе реформы. Слабость силъ принуждала правительство передавать господамъ выполненіе мелкихъ административныхъ и судебныхъ функцій по отношенію къ крестьянамъ. Дворянство, пользуясь такою слабостью мѣстныхъ учрежденій, превратило врученныя ему служебныя полномочія въ сословную привилегію: крестьяне сдѣлались подданными своихъ господъ - „государей". Эти отношенія закрѣплены были и политической теоріей монархическаго строя, по которой дворянство должно было естественно исполнять роль посредствующей власти между верховною и народомъ. Результаты такого превращенія ясны. Господа-государи стали между своими крестьянами-подданными и государственною властью. Этимъ объясняется отсутствіе законовъ касательно крестьянскихъ правъ; для крестьянъ закономъ служила воля или, точнѣе, произволъ ихъ господъ-государей; помѣщичьи имѣнія стали „непроницаемы для государственной власти". Съ такой именно точки зрѣнія можно было отстаивать и неизмѣнность крѣпостного быта, опираясь не на начала частнаго права, а на основной принципъ русскаго государственнаго права того времени о неизмѣнности монархической формы правленія, что и дѣлали члены коммиссіи 1767—1774 г. г., высказывавшіеся противъ ограниченія власти господина надъ крестьянами. Далѣе, слѣдуя мнѣніямъ „лучшаго о законахъ писателя" Екатерина должна была признать, что нарушеніе прерогативъ дворянства (les prérogatives des seigneurs, du clergé, de la noblesse et des villes) должно повести къ водворенію въ странѣ демократическаго или деспотическаго государ-

ства. Наконецъ, такъ какъ императрица смотрѣла на дворянъ, какъ на опору монархіи, то и съ этой точки зрѣнія, повидимому, не рѣшилась коснуться ихъ преимуществъ: вполнѣ удобнаго случая для выполненія этого сложнаго дѣла ей не представилось. Въ началѣ ея царствованія, напримѣръ, исключительное положеніе императрицы, послѣ переворота 28 іюня и продолжавшіяся волненія крестьянъ не давали ей возможности ограничить дворянскія привилегіи. Позднѣе собственное ея настроеніе нѣсколько измѣнилось, тѣмъ болѣе, что либеральные планы императрицы не находили достаточно прочной поддержки въ окружавшемъ ее обществѣ: всѣ свободные классы старались добиться права владѣть крѣпостными; большинство дворянъ, въ томъ числѣ и люди, не лишенные извѣстнаго образованія, признавало крѣпостное право явленіемъ болѣе или менѣе нормальнымъ, недовѣрчиво относилось къ крестьянской свободѣ и считало вмѣшательство государственной власти въ отношенія свои къ крѣпостнымъ излишнимъ для правительства и оскорбительнымъ для себя. При такихъ условіяхъ Екатеринѣ трудно было не только подвергнуть общественный строй коренному преобразованію, но и въ извѣстной степени смягчить отношенія, уже установившіяся между общественными группами до вступленія ея на престолъ. Примѣръ западно-европейскихъ государей не могъ повліять на направленіе сословной политики русской императрицы: къ реформѣ Маріи Терезіи она относилась не безъ сочувствія, но и довольно скептически; при этомъ Екатерина не могла не отмѣтить и обратнаго теченія въ европейской литературѣ и законодательствѣ.

Одно перечисленіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, въ какія поставлено было проведеніе реформы, быть можетъ, нѣсколько объясняетъ, почему Екатерина, мечтавшая о томъ, чтобы крѣпостные „могли заплатить за освобожденіе своему господину“, а дѣти ихъ, рожденныя послѣ 1785 года, получили бы свободу безъ всякаго выкупа, въ сущности такъ мало сдѣлала для простого улучшенія ихъ быта. Правда, она запретила свободнымъ людямъ и вольноотпущенникамъ поступать въ крѣпостное состояніе (указы

1775 и 1783 г.), а также уничтожила продажу крестьянъ безъ земли при продажѣ имѣній съ аукціона (1771 г.) и вообще нѣсколько ограничила торговлю крѣпостными. Но въ то же время Екатерина способствовала усиленію крѣпостного права въ Великороссіи и распространенію его на новыя области. Крѣпостнымъ, напримѣръ, запрещено было жаловаться на помѣщиковъ (1767 г.), даже въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ подвергалъ ихъ „пристрастнымъ" допросамъ и тяжелымъ наказаніямъ, сообразно имъ же самимъ придуманному „уложенію" или собственному произволу, причемъ подобнаго рода наказанія иногда равносильны были мучительной смертной казни. Несмотря на то, что въ силу учрежденія о губерніяхъ намѣстникъ долженъ былъ защищать крѣпостныхъ отъ притѣсненій господъ и что подобное вмѣшательство дѣйствительно обнаруживалось иногда въ послѣдней четверти XVIII вѣка, сама императрица сознавала необходимость, не довольствуясь случайными и нерѣдко противорѣчивыми карательными мѣрами, общее „положеніе о томъ сдѣлать, что съ такими чинить, кои суровость противъ человѣка употребляютъ", но, повидимому, не позаботилась о скорѣйшемъ пополненіи одного изъ наиболѣе существенныхъ пробѣловъ современнаго ей законодательства. Напротивъ, она даже расширила карательную власть господина надъ своими крѣпостными, дозволивъ ему отсылать своихъ людей на каторжныя работы съ правомъ брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію (1765 г.), причемъ судъ „не могъ даже спросить его о причинѣ ссылки и изслѣдовать дѣло". Замѣтимъ, что этотъ указъ не только не вызванъ былъ, какъ законъ 1760 г., государственными соображеніями, но въ извѣстной мѣрѣ прямо противорѣчилъ имъ. Усиливая крѣпостное право въ Великороссіи, Екатерина, кромѣ того, способствовала его распространенію въ областяхъ, недавно присоединенныхъ или вновь пріобрѣтенныхъ русскими войсками (въ Бѣлоруссіи, Малороссіи и Новороссіи).

Такимъ образомъ до 45% всего населенія имперіи (въ Великороссіи и Сибири), несмотря на желаніе Екатерины улучшить его положеніе, продолжало пребывать въ рабствѣ

у ничтожной по размѣрамъ своимъ группы общества и въ теченіе всего царствованія ея напрасно ожидало мѣропріятій, которыя существеннымъ образомъ измѣнили бы порядокъ, „противный справедливости". Тяжелыя послѣдствія этого порядка ярко, хотя и нѣсколько односторонне, изображены въ знаменитой книгѣ А. Радищева.

Гораздо болѣе сдѣлано было императрицей Екатериной въ пользу свободныхъ классовъ общества, получившихъ въ это время тѣ „прерогативы", благодаря которымъ Екатерина усматривала въ своемъ царствованіи монархическій, а не деспотическій характеръ.

Ко второй половинѣ XVIII столѣтія составъ средняго рода людей въ русскихъ городахъ не только увеличился, (онъ доходилъ въ это время до 228,2 тысячъ душъ безъ малаго) [1], но и замѣтно осложнился: наряду съ промышленно-торговыми классами появились разряды лицъ, оказывавшихъ услуги не чисто матеріальнаго свойства; кромѣ того, много мелкихъ общественныхъ группъ, не находившихъ себѣ мѣста въ другихъ сословіяхъ, приходилось включать въ этотъ же „родъ людей". Естественно поэтому, что Екатерина представляла себѣ среднее сословіе въ довольно туманныхъ очертаніяхъ: считая названіе его „слѣдствіемъ трудолюбія и добронравія", она причисляла къ нему, главнымъ образомъ, всѣхъ тѣхъ, „кои, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, въ мореплаваніи (т.-е. заграничной торговлѣ на собственныхъ судахъ), торговлѣ и ремеслахъ". Но, отличая данное состояніе отъ остальныхъ присущими ему занятіями, императрица, тѣмъ не менѣе, сюда же причисляла и другіе разряды на новыхъ основаніяхъ, напримѣръ: всѣхъ выходившихъ изъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, „дѣтей" приказно-служителей не изъ дворянъ и не выслужившихся въ дворяне. Позднѣе взгляды Екатерины не стали яснѣе: къ „среднему роду", по ея мнѣнію, должны были принадлежать то владѣльцы недвижимаго имущества въ предѣлахъ

[1] Вмѣстѣ съ «купечествомъ» губерній: Новороссійской, Азовской, Полоцкой и Могилевской его насчитывали до 240 тыс. д. (Вышеуказан. вѣдомость 1769 г.).

городской черты, отправлявшіе извѣстныя занятія и тягости, то лица, положеніе которыхъ характеризовалось одними занятіями и тягломъ.

Какъ бы то ни было, „средній родъ“ людей въ глазахъ Екатерины оказывался представителемъ не только матеріальныхъ богатствъ, но и культурныхъ средствъ населенія; теряя при этомъ исключительно тяглое значеніе, онъ получалъ болѣе самостоятельное положеніе въ государствѣ, чему не мало способствовали мѣропріятія императрицы.

Свобода отъ тѣлесныхъ наказаній, напримѣръ, дарованная именитымъ гражданамъ и купцамъ первой и второй гильдій, а также дозволеніе купцамъ держать лавки въ домахъ своихъ и производить торговлю въ нихъ, расширили личныя и имущественныя права средняго рода людей. „Чувствительное купцамъ сравненіе ихъ съ крестьянами положеніемъ въ подушный окладъ“, приводившее ихъ „въ такую косность, что они сами бытіемъ своимъ стыдились“, было уничтожено указомъ 1775 г., установившимъ 1% сборъ съ капиталовъ, „по совѣсти объявляемыхъ“ купцами, записавшимися въ гильдіи; этотъ указъ собственноручно написанный Екатериной, по словамъ самихъ купцовъ, освобождалъ ихъ отъ „бывшаго невольничества“ и, дѣлая ихъ „вольными гражданами“ снималъ съ нихъ „презрительную подать, по которой они почти не отличаемы были отъ крестьянства“. Вскорѣ тѣ же классы получили возможность лично не отправлять рекрутской повинности (1783 г.), о чемъ они также не разъ просили правительство. Но отправленіе „казенныхъ службъ“, отнимавшихъ у купечества не мало силъ, несмотря даже на указанія самихъ губернаторовъ, не было снято съ людей средняго состоянія (за исключеніемъ развѣ купцовъ первой гильдіи) и все еще отчасти придавало ему прежній тяглый характеръ.

За то организація этого состоянія получила, благодаря дѣятельности Екатерины, дальнѣйшее развитіе. Учрежденіемъ о губерніяхъ императрица даровала среднему роду людей право представлять выборныхъ въ городскія установленія и право сословнаго суда (въ магистратахъ и рату-

шахъ, съ 1773 г. подчиненныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ губернаторамъ), а жалованной грамотой городамъ (1785 г.) надолго выяснила ихъ общественное устройство. Уже въ „проектѣ законовъ о правахъ средняго рода государственныхъ жителей", сочиненнаго въ коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, намѣчены были важнѣйшіе пункты, затронутые и отчасти разработанные въ жалованной грамотѣ, „одномъ изъ главныхъ непреложныхъ и неприкосновенныхъ государственныхъ постановленій" Екатерины. Въ силу этого акта „градское общество", состоявшее принципіально изъ средняго рода людей, но фактически включавшее и другіе элементы, получило значеніе юридическаго лица, со свойственными ему имущественными правами и политическою властью по отношенію къ каждому отдѣльному обывателю. Далѣе, среднее сословіе окончательно пріобрѣло характеръ наслѣдственнаго состоянія, доступнаго, впрочемъ, при соблюденіи извѣстныхъ условій и другимъ разрядамъ населенія. Наконецъ, это состояніе, подѣленное въ каждомъ городѣ на нѣсколько группъ, довольно рѣзко отличавшихся другъ отъ друга по правамъ и обязанностямъ, подчинено было установленіямъ (думамъ), въ которыхъ начало безсословное скомбинировано было съ сословнымъ, такъ что всѣ шесть классовъ городской обывательской книги, хотя и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ, были представлены здѣсь въ лицѣ своихъ гласныхъ.

Новое устройство долго оставалось, однако, мертвою формой, лишенною живого содержанія. Члены „третьяго" сословія съ одной стороны все еще не обладали достаточнымъ запасомъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ для того, чтобы занять отводимое имъ мѣсто въ общественномъ порядкѣ, съ другой, охотно оставляя свое состояніе, столь доступное низшимъ классамъ и не потерявшее исключительно тяглаго характера, они переходили въ составъ болѣе привилегированнаго дворянскаго сословія. Попытка Екатерины создать „средній родъ людей" оказалась не только преждевременной, но едва ли и не излишней: постоянныя колебанія въ опредѣленіи состава „средняго рода людей" и смѣшанный характеръ его организаціи

сами по себѣ свидѣтельствовали о невозможности выдѣлить ихъ въ замкнутое сословіе, рѣзко обособленное отъ другихъ.

Въ иномъ положеніи находилось русское дворянство. Уже до вступленія Екатерины на престолъ оно успѣло пріобрѣсти довольно существенныя выгоды, какъ, напримѣръ, „вольность“ и исключительное право владѣть не только населенными имѣніями, но и крѣпостными безъ земли, какъ полною собственностью, часто впрочемъ нарушаемое на практикѣ. Естественно, что послѣ переворота 28 іюня русское дворянство съ нетерпѣніемъ стало ожидать отъ Екатерины II дальнѣйшаго расширенія своихъ привилегій и болѣе прочной организаціи „дворянскаго корпуса“. Сама она не мало способствовала развитію этихъ ожиданій и образованію „особливаго рода людей, поставленныхъ между государствомъ и народомъ“. Уже въ молодости она признавалась, что чувствуетъ великую наклонность „чтить древніе роды“, а въ зрѣломъ возрастѣ находилась подъ вліяніемъ ученія Монтескье, по которому опорой монархіи должно служить дворянство, и хорошо усвоила себѣ основное, по его мнѣнію, правило монархическаго строя: „point de noblesse, point de monarque“.

Въ опредѣленіи этого состоянія Екатерина, однако, отступила отъ теоріи Монтескье. Хотя и по Наказу „дворянство есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены“, однако, рядомъ съ честью (honneur) единственно признаваемой Монтескье, какъ принципъ монархическаго строя, императрица ставила еще добродѣтель, т.-е. начало, положенное авторомъ „Духа законовъ“ въ основу демократіи, а не монархіи; тѣмъ не менѣе по мнѣнію его ученицы, оба начала должны были служить „правилами для дворянства“.

При такихъ взглядахъ Екатерины на значеніе дворянства въ имперіи, понятны ея заботы объ этомъ сословіи.

Манифестъ 18 февраля 1762 г., предоставившій дворянству вольность, т.-е. свободу отъ служебныхъ обязанностей, не всѣхъ привелъ въ тотъ восторгъ, который такъ ярко описываетъ одинъ изъ современниковъ; въ столицѣ были

дворяне, которые видѣли въ немъ одну „тѣнь свободы". Не уничтожая силы закона 18 фев. Екатерина поручила, поэтому, учрежденной ею „коммиссіи о вольности дворянской" разсмотрѣть манифестъ Петра III и „привести его содержаніе въ лучшее совершенство" (1763 г.). „Докладъ", сочиненный членами коммиссіи въ узко-сословномъ духѣ и затрогивавшій, главнымъ образомъ, одни личныя права дворянства, не удовлетворилъ императрицу: она воспользовалась вновь созванной коммиссіей о сочиненіи проекта новаго уложенія для того, чтобы возложить на нее, между прочимъ, работы и по этому дѣлу. Проектъ „правамъ благородныхъ" (1768 г.), вмѣстѣ съ остзейскимъ дворянскимъ правомъ, послужилъ прототипомъ жалованной грамоты дворянству (1785 г.); впрочемъ, одна изъ ея первоначальныхъ редакцій написана еще подъ вліяніемъ стараго понятія о служиломъ классѣ, въ противоположность другой, имѣвшей въ виду исключительно сословную точку зрѣнія. Хотя Екатерина и приняла во вниманіе поправки, внесенныя въ текстъ грамоты нѣкоторыми изъ ея приближенныхъ, однако, она съумѣла воздержаться отъ крайностей того и другого взгляда.

Въ жалованной грамотѣ 1785 г., подтвердившей почти всѣ важнѣйшія права русскаго дворянства, впервые окончательно установлено понятіе о свободномъ лицѣ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ одного класса и дана прочная общественная организація всему высшему сословію отчасти уже затронутая въ учрежденіи о губерніяхъ (1775 г.). Въ самомъ дѣлѣ, въ силу жалованной грамоты дворяне получили „личныя преимущества", какъ-то: вольность и свободу отъ обязательной службы, а также избавлены были отъ тѣлесныхъ наказаній, несоотвѣтствовавшихъ новымъ понятіямъ о сословной чести дворянской; за ними утверждено было кромѣ того исключительное право на поземельную собственность, распространенное на всѣ произведенія земли, не только на поверхности, но и въ нѣдрахъ ея находяшіяся; разнообразные способы хозяйственной эксплуатаціи природныхъ богатствъ въ дворянскихъ имѣніяхъ также получили охрану закона, а кон-

фискація ихъ была уничтожена. Всѣ эти личныя и имущественныя права дворянства (къ которымъ были присоединены и нѣкоторыя податныя привилегіи) обезпечивались неприкосновенностью дворянскаго достоинства, защищаемаго судомъ и верховною властью.

Но, кромѣ гражданскихъ правъ, дворяне въ силу жалованной грамоты 1785 г. получили и болѣе прочную организацію. Мѣстныя дворянскія общества почти не существовали въ началѣ прошлаго вѣка; даже составители проектовъ 1730 года имѣли еще довольно смутное понятіе о нихъ. Лишь по освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы (1762 г.), отливъ ихъ въ провинцію становился возможнымъ, что создавало, разумѣется, и болѣе благопріятныя условія для образованія мѣстныхъ обществъ, необходимость которыхъ уже довольно ясно сознавалась представителями этого сословія въ 1767—1774 гг., тѣмъ болѣе, что выборы предводителей и депутатовъ въ виду предстоявшихъ занятій коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія уже породили зачатки такой организаціи. Вопросъ этотъ, еще слабо затронутый въ проэктѣ 1767 г., былъ рѣшенъ окончательно лишь жалованной грамотой 1785 г., предоставившей мѣстнымъ дворянскимъ обществамъ существенныя права. Собранію дозволено было повѣрять дворянскую родословную книгу, составленную дворянскими депутатами, и исключать изъ своей среды дворянина, который чѣмъ либо опороченъ; выбирать должностныхъ лицъ, удовлетворявшихъ извѣстному цензу и образовывать особливую казну добровольными складками дворянства; ему же, наконецъ, разрѣшено было представлять генералъ-губернатору или губернатору объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ дворянства, а также „приносить“ представленіе и жалобы черезъ депутатовъ какъ сенату, такъ и государю.

Таковы были важнѣйшія права и преимущества, дарованныя Екатериной русскому дворянству. Большинство дворянъ, однако, мало „читало и понимало“ грамоту, а меньшинство, способное понимать ее, было недовольно ея содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя одни изъ современ-

никовъ называли жалованную грамоту Екатерины „подаркомъ дворянству, цѣны неимущимъ“, за то другіе усматривали въ ней „болѣе лишеніе, нежели даніе правъ“; дѣйствительно, грамота предназначена была для дворянскаго сословія во всей его совокупности, и тѣмъ самымъ не оправдывала ожиданій родовитаго дворянства, недовольнаго, вѣроятно, тѣмъ, что Екатерина противостояла желанію большинства его представителей замкнуться въ наслѣдственную касту: согласно мнѣнію своему о томъ, что „добродѣтель съ заслугою возводитъ людей на степень дворянства“, императрица въ числѣ источниковъ этого достоинства удержала выслугу, чѣмъ окончательно лишила возможности русское дворянство пріобрѣсти строго аристократическій характеръ. Самостоятельное политическое значеніе мѣстныхъ дворянскихъ обществъ подорвано было и тѣмъ, что въ составъ ихъ продолжали входить большею частью дворяне мало образованные, охотно уклонявшіеся отъ службъ по выборамъ и неспособные воспользоваться данными имъ правами; въ виду этихъ причинъ, а также недостаточной опредѣленности закона дворянскія собранія были фактически въ значительной степени подчинены губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ.

При явномъ благоволеніи своемъ къ дворянству императрица смотрѣла, однако, на членовъ этого сословія, какъ на людей, нравственно обязанныхъ отправлять службу военную или гражданскую, на которую съ 1771 г. прямо воспрещено было принимать людей податного званія; въ связи съ этимъ взглядомъ стояло и водвореніе сословной (дворянской) привилегіи въ чинопроизводствѣ по тому и другому роду службы.

Такимъ образомъ, хотя Екатерина и признала выслугу источникомъ дворянскаго достоинства, но одновременно затруднила достиженіе его для лицъ не дворянскаго происхожденія, и слѣдовательно давала перевѣсъ той сословной точкѣ зрѣнія, съ которой она приступала къ законодательству по этой части.

Вниманіе Екатерины обращено было преимущественно на свѣтское общество; положеніе духовенства само по себѣ

мало интересовало поклонницу Вольтера, тѣмъ болѣе, что отчасти оно уже было выяснено извѣстными указами 1762 года, вызвавшими сильное недовольство лицъ духовнаго званія на ея предшественника. Екатерина едва ли много способствовала образованію этого сословія, уже пріобрѣтавшему въ ея время наслѣдственный характеръ: соглашаясь на освобожденіе духовенства отъ тѣлесныхъ наказаній, „чинимыхъ отъ духовныхъ командировъ", она затруднила доступъ въ монашество и облегчила выходъ изъ духовнаго званія. Закономъ 1764 г., упразднявшимъ церковныя вотчины и вводившимъ церковные штаты, было уничтожено, какъ извѣстно, старое тягло, которое духовенство несло въ пользу архіереевъ; изъ-подъ власти ихъ ускользнуло также болѣе 30.000 заштатныхъ церковниковъ, распредѣленныхъ по разнымъ службамъ. Этими распоряженіями духовенство превратилось въ состояніе, члены котораго получали жалованіе отъ правительства; естественно, что при такихъ условіяхъ оно потеряло значеніе болѣе или менѣе независимой политической корпораціи въ государствѣ.

Таково направленіе, въ какомъ императрица Екатерина II думала рѣшить вопросъ о разграниченіи сословныхъ интересовъ. Въ намѣченной ею системѣ крестьяне не только служили опорою государству, но становились и поддержкой для дворянства. Въ среднемъ сословіи она усматривала источникъ матеріальныхъ и культурныхъ (духовныхъ) силъ имперіи, а дворянство признавала сословіемъ властвующимъ надъ низшимъ слоемъ и подчиненнымъ верховной власти, отнынѣ стоявшей во главѣ вполнѣ секуляризированнаго государства.

Положеніе общественныхъ группъ въ Россіи того времени, какъ видно, все еще опредѣлялось почти исключительно ихъ значеніемъ для государства, но цѣли его расширились, отсюда и положеніе этихъ группъ потерпѣло соотвѣтственныя перемѣны.

Нельзя сказать, однако, чтобы идея о безсословномъ обществѣ вполнѣ отсутствовала у людей того времени; она вырабатывалась не только отвлеченно, но и конкретно, при-

мѣнительно къ провинціальному быту. Сама Екатерина кое-что сдѣлала въ этомъ отношеніи: городъ, городское управленіе и, въ особенности, полиція въ ея законодательствѣ не разъ получали общесословное значеніе; но систематическое развитіе этой идеи въ дѣйствительной жизни принадлежало еще далекому будущему.

Формальныя гарантіи установленнаго ею общественнаго строя императрица думала найти въ новыхъ органахъ исполнительной полиціи и суда: одни должны были скорѣе предупреждать правонарушенія, другіе преимущественно призваны были къ возстановленію нарушенныхъ правъ.

Первые введены учрежденіемъ о губерніяхъ (1775 г.) и уставомъ благочинія (1782 г.), вторые—тѣмъ же учрежденіемъ о губерніяхъ, отчасти пополненнымъ въ этомъ отношеніи жалованными грамотами 1785 года.

Въ силу принципа подсудности каждаго только равнымъ себѣ, котораго старалась придерживаться Екатерина II, не только составъ областныхъ установленій въ значительной мѣрѣ набирался изъ выборныхъ отъ мѣстныхъ обществъ (за исключеніемъ развѣ духовенства и крѣпостныхъ крестьянъ), но и система ихъ подчинена была, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ и низшихъ инстанціяхъ, сословной организаціи, что, разумѣется, предопредѣляло функціи каждаго изъ такихъ установленій. Нѣкоторая независимость судебной власти отъ административной придавала сословнымъ судамъ еще большее значеніе.

Впрочемъ, въ совѣстномъ судѣ, едва ли однако, имѣвшемъ то значеніе, какое приписывала ему Екатерина, можно уже видѣть зародыши суда присяжныхъ; послѣднимъ императрица несомнѣнно интересовалась: сохранились собственноручныя замѣтки ея объ этомъ судѣ и его достоинствахъ.

Такимъ образомъ, мѣстные органы полиціи и суда, введенные губернской реформой, должны были служить юридическими гарантіями правомѣрныхъ общественныхъ отношеній въ сословномъ духѣ и въ извѣстной степени, дѣйствительно, осуществили эту цѣль.

V

Сословная реформа Екатерины II сводилась, въ сущности, къ попыткѣ водворить правомѣрныя отношенія сословныхъ группъ другъ къ другу, и къ государственной власти. То же направленіе не трудно усмотрѣть и въ правительственной политикѣ императрицы: благодаря ея посредству русское общество, какъ совокупность этихъ группъ, получило нѣсколько болѣе самостоятельное значеніе въ государствѣ, а дѣятельность подчиненныхъ властей пріобрѣла бòльшую закономѣрность.

Воспитаніе въ духѣ, согласномъ съ принципами просвѣщеннаго абсолютизма, казалось Екатеринѣ могучимъ средствомъ для политической формировки населенія. „Правила воспитанія, писала она въ Наказѣ, суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами". Хотя Екатерина и не выполнила проекта одной изъ частныхъ коммиссій 1767—1774 гг. о введеніи въ Россіи всеобщаго обязательнаго обученія, тѣмъ не менѣе она позаботилась объ учрежденіи первыхъ въ Россіи народныхъ школъ и объ усовершенствованіи высшаго университетскаго образованія; подъ ея же непосредственнымъ вліяніемъ издано было много книгъ, получившихъ, вѣроятно, болѣе широкое распространеніе, чѣмъ прежде, благодаря нѣсколько большему оживленію книжнаго рынка. Къ числу педагогическихъ мѣръ Екатерины можно присоединить также и многіе изъ ея указовъ и „учрежденій", въ которыхъ, она не разъ давала обществу уроки политической мудрости.

Но, воспитанные такимъ образомъ, граждане не могли оставаться безгласными существами, осужденными на „онѣмѣніе". И дѣйствительно, императрица, говорившая, что „свобода—душа всего на свѣтѣ" и что „безъ нея все мертво", должна была допустить нѣкоторую независимость въ мнѣніяхъ своихъ подданныхъ. Всего легче это было сдѣлать относительно тѣхъ ея проявленій, которыя не имѣли прямого политическаго значенія; къ числу таковыхъ принадлежала, напримѣръ, свобода совѣсти, которую

отчасти признавала и сама Екатерина въ своемъ Наказѣ. „Въ 60 лѣтъ, говорила она однажды А. Храповицкому, всѣ расколы исчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собой: тутъ насилія не надобно". Сообразно съ этимъ взглядомъ она „отмѣнить соизволила прежнія чинимыя раскольникамъ за ихъ суевѣрство жестокости и притѣсненія" и издала указъ о терпимости всѣхъ вѣроисповѣданій (1773 г.); но отмѣченная точка зрѣнія не помѣшала Екатеринѣ подвергнуть строгому наказанію Арсенія Мацѣевича, открыто выражавшаго свое недовольство по поводу секуляризаціи церковныхъ имѣній и виновнаго „въ оскорбленіи ея императорскаго величества", а также предпринять карательныя мѣры противъ послѣдователей скопческой ереси, вредной для государства.

Труднѣе было рѣшить вопросъ о значеніи общественнаго мнѣнія въ политическомъ отношеніи. Екатерина, сама прибѣгавшая къ печати для распространенія своихъ взглядовъ, должна была съ отвлеченной точки зрѣнія просвѣтительной философіи XVIII в. цѣнить свободу слова, отсутствіе которой въ государствѣ „было бы, по ея мнѣнію, великимъ несчастьемъ"; „никто безъ исключенія, писала она въ одной изъ своихъ замѣтокъ, не становится внѣ суда, презрѣнія или уваженія общества". Но и на практикѣ императрица на первыхъ порахъ относилась къ общественному мнѣнію снисходительно, тѣмъ болѣе, что не усматривала въ немъ самостоятельнаго значенія и считала возможнымъ не выпускать его изъ-подъ своего руководства. Вотъ почему Екатерина, вообще содѣйствовавшая развитію русской литературы, находила нужнымъ принимать во вниманіе и настроеніе членовъ извѣстной коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, временно игравшей роль своего рода періодической прессы для правительства, не менѣе охотно покровительствовала и журналамъ, въ которыхъ иногда сама принимала непосредственное участіе (напр., во „Всякой всячинѣ"); вскорѣ по закрытіи большого собранія коммиссіи и до учрежденія губерній ихъ возникло не мало, полтора десятка слишкомъ. Пока

эти органы иронизировали надъ недостатками стараго времени и касались случайныхъ проявленій, а не принциповъ государственнаго порядка, Екатерина не стѣсняла ихъ дѣятельности. Но какъ только они стали обращать свою сатиру на вопросы современной жизни и перестали съ прежнею осторожностью обходить молчаніемъ промахи текущей политики, то и почувствовали давленіе, подъ вліяніемъ котораго вскорѣ перестали удовлетворять живымъ запросамъ едва появившейся русской читающей публики. Указъ о „вольныхъ типографіяхъ“ (1783 г.) неспособенъ былъ поддержать прежнее оживленіе, ознаменовавшее русскую журналистику 1769—1774 гг.; благодаря ему, однако, ярко обнаружилась плодотворная издательская дѣятельность „Дружескаго ученаго общества“, которой такъ много способствовалъ Н. Новиковъ; тѣмъ же указомъ воспользовался и А. Радищевъ для напечатанія своего „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. Дѣятели и писатели этихъ направленій начинали уже вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими (напр., Фонъ-Визинымъ) сознавать себя „стражами общаго блага“. Вскорѣ, однако, Екатерина прекратила просвѣтительную дѣятельность русскихъ розенкрейцеровъ, исходившую изъ идеи личнаго усовершенствованія и получившую столь замѣчательную организацію, а книгу Радищева, такъ рѣзко указывавшаго на безправное положеніе большинства русскаго общества, повелѣла изъять изъ обращенія. Обезпокоенная этими самостоятельными проявленіями еле зародившагося общественнаго мнѣнія, борьбу съ которымъ она начинала считать труднѣе войны съ внѣшними врагами, императрица не только подвергла наказанію главныхъ его представителей, но обнародовала и нѣсколько общихъ узаконеній, ограничившихъ свободу книгопечатанія и ввозъ иностранныхъ книгъ (1790—1796 гг.). Тѣмъ не менѣе можно сказать, что Екатерина не мало способствовала зарожденію общественнаго мнѣнія и собственными своими сочиненіями, и нѣкоторыми изъ своихъ установленій, и, наконецъ, общимъ ихъ характеромъ; императрица признавала даже значеніе этой силы, такъ какъ кое-какія реформы осуще-

ствила подъ ея непосредственнымъ, хотя и довольно случайнымъ вліяніемъ.

Въ связи съ тѣми же взглядами стояли и другіе принципы, которыхъ Екатерина старалась придерживаться въ управленіи: она съ одной стороны желала видѣть въ населеніи „не рабовъ, а людей, повинующихся законамъ", съ другой сознавала необходимость „довѣренности народа" и его „почтенія" къ правительству. „Власть безъ довѣренности народа, писала она, ничего не значитъ". Для достиженія этой послѣдней цѣли она, слѣдуя примѣру Петра Великаго, старалась по возможности водворить законность въ управленіи; ближайшими совѣтниками и помощниками ея въ этомъ дѣлѣ состояли нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ того времени, какъ напримѣръ; И. Неплюевъ, гр. А. Бестужевъ-Рюминъ, князь Я. Шаховской, Н. Панинъ и кн. А. Вяземскій.

Закономѣрная дѣятельность подчиненныхъ властей находилась въ ближайшей зависимости отъ характера государственныхъ установленій и отъ способа отправленія ими своихъ должностей.

Пока первый изъ этихъ вопросовъ подвергался обсужденію въ разныхъ коммиссіяхъ, императрица приступила къ рѣшенію второго. Злоупотребленія бюрократіи (въ частности и главнымъ образомъ лихоимство) зависѣли отъ причинъ духовнаго и матеріальнаго свойства: чиновники оказывались слишкомъ мало образованными и получали слишкомъ ничтожное жалованье для того, что бы не прельщаться „лакомствами", которыя предлагали имъ люди, нуждавшіеся въ ихъ услугахъ. Екатерина попыталась устранить дѣйствіе этихъ причинъ. Считая не только общее, но и спеціальное юридическое образованіе необходимымъ для лицъ, отправляющихъ государственныя должности, и встрѣчая въ обществѣ явное сочувствіе подобной точкѣ зрѣнія, императрица предприняла нѣкоторыя преобразованіи на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета и посылала молодыхъ людей за-границу для изученія права; съ тою же цѣлью были переведены и изданы кое-какія сочиненія иностранныхъ ученыхъ, напр., „политическія наставленія" бар.

Бильфельда. Нѣсколько позднѣе (къ 1783 году), вѣроятно, подъ вліяніемъ Екатерины, сдѣлана была попытка составить сборникъ законовъ, долженствовавшій служить матеріаломъ для учебника по русскому праву и справочнымъ пособіемъ для всякаго должностного лица, да и образованнаго человѣка вообще. Одновременно Екатерина позаботилась также объ улучшеніи матеріальнаго положенія чиновниковъ: новые штаты вышли въ 1763 г.; вскорѣ затѣмъ послѣдовала конфирмація сенатскаго доклада о пенсіяхъ. Мѣры эти, однако, оказались недостаточными и, поэтому, мало помогали водворенію законности въ управленіи: приходилось не только заботиться о „наполненіи" присутственныхъ мѣстъ „достойными и честными людьми" и настаивать на „точномъ и немедленномъ исполненіи указовъ", но и постоянно бороться съ преступленіями по службѣ, т.-е. неисполненіемъ, злоупотребленіемъ и пренебреженіемъ должности, а также ошибками въ отправленіи ея (умышленными и неумышленными). Трудно было, однако, устранить злоупотребленія чиновниковъ въ обществѣ, обнаруживавшемъ постоянную наклонность къ „ябедѣ" и тяжбамъ. При такихъ условіяхъ императрица не могла либерально отнестись и къ болѣе частному вопросу о толкованіи закона судебною властью; въ Наказѣ она возстала противъ этого и, несмотря на ею же высказанную мысль о томъ, что „справедливо есть, буде родится сомнѣніе о понятіи какого ни есть узаконенія изыскать намѣреніе законодавца, вникая въ смыслъ и умствованіе закона", на практикѣ придерживалась другихъ правилъ. Водворенію законности въ управленіи мѣшало, наконецъ, и „самовластіе бояръ", такъ сильно развившееся въ предшествовавшія царствованія. Екатерина не безъ нѣкоторой доли справедливости указывала на то, что она „поправила это, не ссылая и не казня".

Неудачный исходъ работъ въ коммиссіи 1767—1774 гг. привелъ, какъ мы видѣли, императрицу Екатерину къ необходимости предпринять реформу государственныхъ установленій по частямъ. Важнѣйшимъ изъ этихъ преобразованій, между прочимъ и для того, чтобы достигнуть точнаго и быстраго исполненія уже изданныхъ или „впредь изда-

ваемыхъ полезнѣйшихъ узаконеній“ въ государствѣ, было, конечно, „учрежденіе о губерніяхъ, всего болѣе требовавшихъ поправленія“; не даромъ сама Екатерина, писавшая „учрежденіе“ пять мѣсяцевъ, ставила его гораздо выше своего Наказа, а населеніе (въ особенности дворянство) высказывало потребность въ такой реформѣ. Кабинетныя работы по этой части возложены были главнымъ образомъ, на Г. Козицкаго, Г. Теплова, П. Завадовскаго и гр. А. Безбородка.

Провинція начала XVIII вѣка была прототипомъ Екатерининской губерніи. Но до Екатерины II вопросъ объ областномъ устройствѣ трудно было рѣшить, въ виду ничтожнаго развитія мѣстныхъ общественныхъ силъ и интересовъ, связанныхъ съ проведеніемъ подобнаго рода реформы. По воцареніи Екатерины, напротивъ, этотъ вопросъ сталъ возбуждать вниманіе недавно зародившихся мѣстныхъ обществъ (въ особенности дворянскихъ): его обсуждали уже въ 1762 г., а также въ частной коммиссіи о порядкѣ государства въ силу общаго права (1767—1774 гг.) и въ сенатѣ. Въ первой половинѣ 1760-хъ годовъ для предотвращенія безпорядковъ, возникавшихъ въ областяхъ, власть губернаторовъ была усилена (1762, 1764 гг.); областныя дѣленія также не разъ подвергались частнымъ измѣненіямъ, но окончательно вопросъ о губернскомъ устройствѣ рѣшенъ былъ лишь въ 1775 году.

Согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ (напримѣръ гр. А. П. Бестужева-Рюмина), императрица хотѣла учрежденіемъ о губерніяхъ привлечь мѣстныя общества, въ особенности дворянъ, недавно освобожденныхъ отъ обязательной службы, къ дѣятельности въ установленіяхъ, основанныхъ отчасти въ виду ихъ же собственныхъ выгодъ. Правительство, такимъ образомъ, не теряло общественныхъ силъ, вышедшихъ изъ-подъ его непосредственнаго контроля послѣ появленія манифеста 1762 г. И дѣйствительно, вскорѣ по изданіи учрежденія о губерніяхъ, болѣе 10.000 человѣкъ занимало выборныя должности.

Помимо этихъ цѣлей, императрица надѣялась введе-

ніемъ новаго губернскаго устройства упорядочить мѣстное управленіе. Реформа дѣйствительно привела къ плодотворнымъ результатамъ и въ этомъ отношеніи. Учрежденіе о губерніяхъ впервые прочно установило начало децентрализаціи и такимъ образомъ сблизило управляющихъ съ управляемыми. Новое начало осуществлено было довольно удачно: губернскія присутственныя мѣста отличались мѣстнымъ составомъ и получили независимую отъ центра систему, что придавало имъ особый характеръ, отчасти утраченный ими впослѣдствіи. Въ указанной системѣ обнаружилась и первая болѣе или менѣе удовлетворительная попытка раздѣленія властей: органы администраціи (коронные и общественные) были обособлены отъ органовъ суда, что давало возможность каждой группѣ дѣйствовать быстрѣе и правильнѣе. Отдѣленіе суда отъ администраціи, которое напрасно пытался осуществить Петръ Великій, удалось Екатеринѣ: она давно уже признала важное значеніе судебной функціи въ государствѣ: „наше главное попеченіе будетъ, читаемъ мы въ одномъ изъ ея указовъ, обнародованномъ уже двадцать дней спустя по воцареніи, изыскивать всѣ средства къ утвержденію правосудія въ народѣ, которое есть первое отъ Бога намъ преданное Св. Его писаніемъ повелѣніе“. Это средство найдено было въ раздѣленіи властей: судъ, въ прежнее время игравшій подчиненную роль въ управленіи, надѣленъ былъ, наконецъ, самостоятельностью, нужною для безпристрастнаго и безстрашнаго производства дѣлъ; приэтомъ былъ установленъ и болѣе правильный порядокъ апелляціонныхъ инстанцій. Замѣтимъ, наконецъ, что въ „учрежденіи о губерніяхъ“ лучше прежняго была проведена идея мѣстнаго самоуправленія и что въ силу того же положенія высшія губернскія мѣста получили право представленія: они могли пріостановить обнародованіе неудобоисполнимаго по ихъ мнѣнію закона и представлять объ этомъ сенату; въ случаѣ, однако, если послѣдній оставлялъ такое представленіе безъ уваженія, губернскія мѣста обязаны были повиноваться безпрекословно. Кромѣ этихъ ближайшихъ юридическихъ послѣдствій, реформа имѣла значеніе и въ быто-

вомъ отношеніи. Благодаря открытію губерній, мѣстная жизнь замѣтно оживилась: въ городахъ стали появляться „люди весьма порядочные“, подъ вліяніемъ которыхъ прежняя грубость уступала мѣсто „людскости, вѣжливости и другимъ качествамъ, свойственнымъ благоустроеннымъ обществамъ“; въ числѣ такихъ качествъ нельзя не упомянуть о чувствѣ законности: реформа губернскихъ установленій способствовала его развитію въ мѣстныхъ обществахъ.

Въ новомъ губернскомъ устройствѣ вскорѣ, однако, обнаружились и довольно крупные недостатки. Искусственное происхожденіе губерній, не придавало имъ внутренняго единства; вновь созданные провинціальные центры нерѣдко оказывались фиктивными; въ 40 „городахъ“, напримѣръ, въ 1775 году не было ни одного купца; не менѣе 45 другихъ находилось вѣроятно въ такомъ же положеніи. Отсутствіе бытовой цѣльности въ области не вознаграждалось единствомъ ея въ правовомъ отношеніи: губернія не обладала свойствами юридическаго лица. Далѣе, самую организацію областнаго управленія легче было сочинить въ „учрежденіи“, чѣмъ привести въ исполненіе на мѣстѣ. Раздѣленіе властей, напримѣръ, едва ли строго примѣнялось на практикѣ: существованіе обособленныхъ органовъ администраціи и суда сопровождалось фактическимъ вмѣшательствомъ однихъ въ функціи другихъ, вопреки закону, тѣмъ болѣе, что ясно выраженное желаніе мыслящихъ людей этого времени (напр. членовъ коммиссіи о порядкѣ государства въ силу общага права, кн. М. Щербатова и Д. фонъ-Визина) о предоставленіи суду гласности (что способствовало-бы выдѣленію его въ независимую отрасль) не получило удовлетворенія. Въ большомъ затрудненіи оказалось также правительство при образованіи состава вновь открытыхъ присутственныхъ мѣстъ; трудно было набрать достаточное количтво „достойныхъ и честныхъ людей, пригодныхъ для отправленія новыхъ должностей“; приходилось довольствоваться прежними малодостойными и злоупотребленія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не только не умалились, но возрасли еще болѣе, „особенно въ послѣдніе годы“ жизни учредительницы новаго порядка. Естественно, что при та-

кихъ условіяхъ губернія поставлена была въ значительную зависимость отъ губернатора. Слѣдуетъ имѣть въ виду, наконецъ, что новое устройство, можетъ быть, не всегда соотвѣтствовало областнымъ особенностямъ на далекихъ окраинахъ имперіи и въ такихъ случаяхъ еще ярче обнаруживало всѣ вышеуказанные недостатки.

Попеченія Екатерины объ „общемъ благѣ“ простирались не только на введеніе законности въ управленіе, чему конечно содѣйствовало ея учрежденіе о губерніяхъ, но и на защиту закона въ уголовной юстиціи, задача которой, по мнѣнію императрицы, должна была состоять въ охраненіи общества отъ „вреда“. Согласно съ этимъ взглядомъ она съ одной стороны ясно опредѣлила сущность преступленія и его разновидности, чѣмъ точнѣе установила и самую отвѣтственность всякаго, кто нарушалъ законъ, съ другой смягчила суровость взысканій: въ ея время уже были извѣстны „исправительныя“ наказанія, членовредительныя почти вышли изъ употребленія, а смертная казнь примѣнялась лишь во „время безначалія“. Смягченіе карательныхъ мѣръ въ законодательствѣ Екатерины II не переходило, однако, въ послабленіе преступленію: напротивъ, „преступающій законы“ долженъ былъ подлинно знать, что онъ „непремѣнно будетъ наказанъ“.

Преобразовательная дѣятельность Екатерины по части управленія и суда обращена была преимущественно на губерніи: введеніе новаго порядка, которому содѣйствовали, напримѣръ, гр. К. Е. Сиверсъ, гр. З. Чернышевъ, кн. Г. Потемкинъ, „вѣрнѣйшій и умнѣйшій другъ“ императрицы, и другіе, продолжалось въ теченіе послѣднихъ двухъ третей ея царствованія и, распространяясь на вновь присоединенныя области, не мало способствовало объединенію государственной территоріи. Впрочемъ учрежденіе о губерніяхъ само собою вызвало перемѣны и въ центральныхъ учрежденіяхъ: оно повело къ упраздненію нѣкоторыхъ изъ центральныхъ органовъ, что породило новыя отношенія между остальными. Екатерина не успѣла, однако, провести эту часть реформы: почти всѣ уцѣлѣвшія установленія сохранили прежній характеръ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже до 1775 г.

и подѣлены были на департаменты для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ. Тѣмъ не менѣе на ряду съ старымъ порядкомъ возникалъ и новый. Придавая важное значеніе личному (министерскому) началу управленія, Екатерина значительно стѣснила полномочія сената, какъ представителя коллегіальнаго принципа, и напротивъ, такъ усилила власть генералъ-прокурора, который въ ея время завѣдывалъ почти всѣми важнѣйшими отраслями администраціи и суда, что къ концу своего царствованія собиралась даже подраздѣлить кругъ его вѣдомства между нѣсколькими должностными лицами. Склонность императрицы къ этому-же началу доказывается и проектомъ ея объ учрежденіи Расправной палаты, составленнымъ, повидимому въ 1785 году; первому департаменту расправной палаты, въ которомъ долженъ былъ засѣдать юстицъ-канцлеръ, императрица думала поручить „надзираніе правъ и правосудія во Всероссійской имперіи“. Новые взгляды въ этомъ „учрежденіи“ (1-мъ департаментѣ) формулированы самой Екатериной уже довольно ясно.

Не только министерское начало, но и другія реформы послѣдующихъ царствованій въ видѣ проектовъ, болѣе или менѣе осуществленныхъ, уже были высказаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ императрицы или лично ею самой.

Въ системѣ центральныхъ установленій XVIII-го вѣка не было такого, которое заполнило бы пробѣлъ, существовавшій между спеціальными органами управленія и верховною властью. Въ теченіе всего прошлаго вѣка напрасно старались исправить этотъ недостатокъ: роль посредника то выпадала на долю какого нибудь спеціальнаго установленія, то разыгрывалась вновь образованнымъ „совѣтомъ“, претендовавшимъ иногда на властвованіе и посягавшимъ поэтому на прерогативы русскихъ самодержцевъ. Уже при Петрѣ III учрежденіе такого посредствующаго органа съ общими государственными функціями казалось желательнымъ; записки современниковъ свидѣтельствуютъ, что и Екатерина II думала о томъ же. Вѣроятно съ ея согласія или даже по ея порученію написанъ былъ извѣстный проектъ „императорскаго совѣта“. Проектъ сочиненъ былъ

Н. Панинымъ, для того, чтобы въ производствѣ дѣлъ устранить „дѣйствіе болѣе (скорѣе) силы персонъ, нежели власти мѣстъ государственныхъ“, иными словами для того, чтобы „непоколебимо утвердить форму и порядокъ, которыми подъ императорскою самодержавною властью государство навсегда управляемо быть должно“. Хотя „главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе, пишетъ составитель проекта, замыкается въ персонѣ государевой“, однако, онъ никакъ свою власть „въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ“.

Содержаніе проекта соотвѣтствовало указанной цѣли: совѣтъ, очевидно, долженъ былъ придать дѣйствіямъ верховной и въ особенности законодательной власти закономѣрный характеръ; съ этой точки зрѣнія онъ получалъ отчасти такое же значеніе, какъ и позднѣйшее установленіе, извѣстное подъ тѣмъ же наименованіемъ. Екатерина, однако, не рѣшилась на это: ее, повидимому, смутила мысль генералъ фельдцехмейстера Вильбуа о томъ, что „императорскій совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“; поэтому, встрѣчая опору въ партіи, враждебной „новому распоряженію въ правительствѣ“, императрица вскорѣ уничтожила силу подписаннаго ею учредительнаго акта. Военный совѣтъ, образованный нѣсколько позднѣе (1769 г.) не замѣнилъ, конечно, установленія, о которомъ шла рѣчь въ проэктѣ Н. Панина: внутреннія дѣла обсуждали въ немъ преимущественно лишь въ связи съ военными. Такимъ образомъ, хотя Екатерина уже довольно ясно обозначила различіе, существующее между высочайшимъ повелѣніемъ и закономъ (1762), однако, ей не удалось обособить „закона“ отъ „указа“.

Но даже въ томъ случаѣ, если бы проектъ Н. Панина не потерпѣлъ столь печальной участи, всѣ государственныя установленія должны были, по мнѣнію Екатерины, подчиняться ея верховной власти, а слѣдовательно оста-

ваться и подзаконными. „Всероссійская Имперія, писала она... не подвергается инымъ законамъ, кромѣ императорскаго величества самодержавной и законодательной властью изданнымъ для блага общаго и частнаго". Хотя Екатерина не разъ высказывала свои взгляды на происхожденіе и сущность этой власти, „воспринятой отъ Всевышняго Бога", „основанной на силѣ, мудрости, и „кротости", „нераздѣльной съ законодательной" и поэтому „никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту не дающей и управляющей своими государствами и землями по своей воли и благомнѣнію"; хотя императрица и провозглашала въ Наказѣ, что въ Россіи „всякое другое правленіе (кромѣ монархическаго) не только вредно, но и разорительно" и что, слѣдовательно, здѣсь государь „источникъ всякія государственныя и гражданскія власти", а слава гражданъ, государства и самодержавнаго государя" — „намѣреніе и конецъ" его правленія, однако она не разработала всѣхъ этихъ идей въ основныхъ законахъ имперіи. Правда, въ бумагахъ Екатерины сохранились отрывочныя замѣтки, писанныя ею, можетъ быть въ виду такой цѣли, но она ими не воспользовалась для изданія какого-либо общаго положенія. Даже вопросъ о престолонаслѣдіи, несмотря на просьбы нѣкоторыхъ лицъ, подвергся той же участи. Впрочемъ, проектъ манифеста о майоратномъ единонаслѣдованіи престоломъ по мужской линіи (въ нисходящемъ порядкѣ), а за пресѣченіемъ ея и по женской, составленный императрицей, доказываетъ, что она сознавала необходимость восполнить по крайней мѣрѣ этотъ пробѣлъ въ основныхъ законахъ имперіи. Судя по проекту, такое наслѣдованіе становилось доступнымъ лишь лицамъ грекороссійскаго закона, женатымъ или состоявшимъ замужемъ за лицами того же вѣроисповѣданія. „Отъ наслѣдія самодержавствомъ и короной всероссійской отрѣшались также тотъ или та, кому досталась корона иной державы". Но и этотъ проектъ, установлявшій законный способъ перехода верховной власти въ нисходящее потомство Екатерины, не дождался обнародованія.

Такимъ образомъ, въ области основныхъ законовъ имперіи Екатерина всего менѣе успѣла содѣйствовать водво-

ренію того закономѣрнаго порядка, надъ установленіемъ котораго въ государствѣ она трудилась въ теченіе многолѣтняго своего царствованія. Новый порядокъ продолжалъ зависѣть отъ довольно случайнаго совпаденія личныхъ вкусовъ государыни съ общими интересами государства, подчиненнаго ея самодержавной власти.

VI

Въ проведеніи всѣхъ этихъ реформъ Екатеринѣ, однако, не мало мѣшали затрудненія, встрѣчаемыя ею на пути съ самаго восшествія ея на престолъ, а также обстоятельства, все болѣе и болѣе нарушавшія естественное теченіе преобразованій. Для безпристрастной оцѣнки дѣятельности императрицы нельзя не сказать о нихъ нѣсколько словъ.

„Императрица Екатерина, писалъ одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ при Петербургскомъ дворѣ въ 1768 г., становится смѣлѣе по мѣрѣ того, какъ она себя чувствуетъ все болѣе и болѣе въ безопасности и власть ея упрочивается“. Такое настроеніе императрицы первоначально можетъ быть и способствовало ускоренію ея преобразованій, но та же относительная независимость отъ окружавшей ее соціальной среды едва ли выгодно отозвалась на содержаніи реформъ и, во всякомъ случаѣ, задержала дальнѣйшее ихъ развитіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка Екатеринѣ уже минуло 50 лѣтъ. Она видимо старилась, теряла прежнія силы и способность работать надъ отвлеченными вопросами законодательства. На первыхъ порахъ она пробовала скрывать это отъ приближенныхъ, но вскорѣ сама принуждена была сознаться передъ ними въ томъ, что давно уже не можетъ приняться за письмо и читаетъ „вздоръ“, а вмѣсто законодательства, которымъ занимается съ трудомъ, думаетъ взяться за сочиненіе исторіи для внуковъ. Теряя силы, императрица вмѣстѣ съ тѣмъ теряла и бодрость духа, надежду на успѣхъ. „Не вѣмъ, писала она въ одной изъ своихъ замѣтокъ (1787 г. ?), ради ково тружусь и мои труды, попече-

ніе и горячее къ пользѣ имперіи радѣніе не будутъ ли тщетны, понеже вижу, что мое умоположеніе не могу учинить наслѣдственное". Приближенные Екатерины (напримѣръ, кн. П. Зубовъ) мало заботились о томъ, чтобы измѣнить ея настроеніе. „Люди съ способностями, писала она повидимому около этого времени, переводятся до такой крайности, что ни съ кѣмъ ни о какомъ дѣлѣ переговорить нельзя". Императрица тѣмъ болѣе чувствовала это отсутствіе поддержки, что враговъ было у нея не мало.

Агитація въ пользу цесаревича Павла, напримѣръ, а также дѣла Мировича и Пугачева (не говоря о менѣе важныхъ) должны были, конечно, оставить слѣды въ ея душѣ; волненія подобнаго рода повліяли и на направленіе ея внутренней политики. Извѣстно, напримѣръ, что вскорѣ послѣ заговора Хрущевыхъ и Гурьевыхъ, чуть ли не возстановлена была тайная канцелярія: во всякомъ случаѣ, несмотря на указы 21 февраля и 19 октября 1762 г., она подъ разными наименованіями просуществовала въ теченіе всего царствованія Екатерины II-й.

Далѣе, преобразованія, предпринятыя Екатериной, требовали денежныхъ средствъ, добываніе которыхъ сопряжено было съ большими затрудненіями. Правительство постаралось устранить ихъ. Благодаря общей для всей имперіи окладной книгѣ, надъ сочиненіемъ которой трудилась сама императрица, сосредоточенію финансовыхъ функцій въ рукахъ генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго, основанію экспедиціи о государственныхъ доходахъ и казенныхъ палатъ введено было большее единство въ финансовое управленіе и водворилась болѣе строгая отчетность, что не замедлило обнаружиться и на положеніи бюджета. Впрочемъ, хотя общая сумма доходовъ къ концу царствованія возросла съ 16,5 мил. руб. (въ 1763 г.) до 68,3 мил. руб., но и государственные расходы увеличивались, несоразмѣрно естественному росту доходовъ. Расточительность двора, напримѣръ, вызывавшая вредное подражаніе въ состоятельныхъ классахъ общества, постепенно росла и своими размѣрами удивляла иностранныхъ дипломатовъ. На содержаніе присутственныхъ мѣстъ и арміи

въ концѣ царствованія также требовалось по крайней мѣрѣ вдвое больше средствъ, чѣмъ въ началѣ его. Правда, относительное значеніе этихъ статей въ государственномъ бюджетѣ измѣнилось: расходы по управленію (вмѣстѣ съ финансами) и суду заняли въ немъ гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ прежде; а военные расходы, напротивъ, понизились; въ такомъ бюджетѣ, какъ видно, отражался просвѣтительный характеръ царствованія Екатерины. Но въ общей сложности, однако, расходы государства за это время тѣмъ не менѣе сильно возрасли, ибо съ 17,2 мил. руб. въ 1763 г. достигали 65,1 мил. руб. въ 1794 г., считая чрезвычайные.

Съ перваго взгляда при сравненіи балансовъ въ бюджетахъ 1763 и 1794 годовъ, послѣдній можетъ показаться въ болѣе удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ первый. Не слѣдуетъ забывать, однако, что такіе результаты удалось осуществить лишь цѣною крупныхъ жертвъ, а именно: увеличеніемъ налоговъ, неумѣреннымъ выпускомъ ассигнацій и покрытіемъ экстраординарныхъ расходовъ государственными займами.

Налоги давно уже возрастали постепенно: къ концу царствованія Екатерины подушный сборъ, все еще игравшій довольно значительную роль въ бюджетѣ (39,6%), увеличился болѣе чѣмъ въ полтора раза; косвенныя подати благодаря новой организаціи таможеннаго вѣдомства и регалій, въ особенности винной, также повысились почти въ 2½ раза, почему и заняли болѣе видное мѣсто въ государственной росписи (51,3% вмѣстѣ съ регаліями).

Несмотря на то, что въ царствованіе Екатерины было вычеканено въ полтора раза больше монеты, чѣмъ за все предшествовавшее время, съ 1700 года, чувствовался сильный недостатокъ въ пригодныхъ для обращенія денежныхъ знакахъ. Въ виду первой турецкой войны пришлось прибѣгнуть къ внутреннему займу, давно уже подготовляемому путемъ обезцѣниванія мѣдной монеты, т.-е. къ выпуску ассигнацій (1768 г.). Первоначально ассигнаціи замѣняли соотвѣтствующія цѣнности въ металлахъ, на которые могли размѣниваться безъ лажа. Поэтому и ассигнаціонные банки

(29-го декабря 1768 г.) на первыхъ порахъ были чисто депозитными, и ассигнацiонный рубль до 1786 года почти постоянно держался al pari съ серебрянымъ; но, по переклейменiи мѣдной монеты въ двойномъ количествѣ, уже въ 1796 г. вмѣсто 50 мил. рублей, какъ было въ 1785 г., въ кредитной валютѣ обращалось втрое больше (157 миллiоновъ рублей). Соотвѣтственно этому въ 1796 г. при размѣнѣ взимали до 31½ коп. лажа.

Всѣ эти мѣропрiятiя оказались, однако, недостаточными для покрытiя (главнымъ образомъ, военныхъ) расходовъ. Благодаря заграничному кредиту, котораго у насъ не было до Екатерины II, на ряду съ внутренними долгами, появились и внѣшнiе. Къ концу ея царствованiя первыхъ можно было насчитать до 82,5 мил. рублей, вторыхъ не менѣе 43,7 мил. рублей (1793 г.). Само собою разумѣется, что къ погашенiю внѣшнихъ долговъ присоединялась и уплата процентовъ по нимъ, начинавшая обременять государственный бюджетъ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что взамѣнъ прежняго дефицита, равнаго 0,7 мил. руб. въ 1763 году, императрица Екатерина кончала царствованiе съ 8,6 м. избытка (1794 г.), финансовыя затрудненiя, нетолько не исчезли, но, пожалуй, возрасли еще болѣе въ ея „маленькомъ хозяйствѣ" и задерживали естественное теченiе реформъ, требовавшихъ денегъ.

Не одни эти затрудненiя, однако, прiостановили преобразовательную дѣятельность Екатерины II-й. Послѣ неудачнаго исхода работъ въ коммиссiи о составленiи проэкта новаго уложенiя она стала все болѣе и болѣе интересоваться внѣшней политикой, руководство которой отвлекало её отъ заботъ о внутреннемъ состоянiи имперiи. На остановку въ ходѣ преобразованiй сильно повлiяли также событiя, совершившiяся во Францiи въ концѣ XVIII ст. и вызвавшiя охранительныя мѣры Екатерины въ Россiи; „не время теперь дѣлать реформы", говорила она одному изъ своихъ приближенныхъ незадолго до французской революцiи.

Обозрѣнiе блестящихъ успѣховъ внѣшней политики Екатерины II не входитъ въ задачи настоящаго очерка.

Осязательные результаты ея всѣмъ намъ хорошо извѣстны. Послѣ двухъ войнъ съ Турціей и трехъ раздѣловъ Польши Россія пріобрѣла значительную область съ населеніемъ въ 7 милліоновъ человѣкъ и получила доступъ къ Черному морю и къ Константинополю, а также вступила въ непосредственныя пограничныя сношенія съ Пруссіей и Австріей.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ и военнымъ силамъ, численность которыхъ за время царствованія Екатерины возрасла не менѣе какъ въ два раза (до 312 тысячъ человѣкъ, 67 линейныхъ кораблей и 40 фрегатовъ въ 1790 г.), Россія, при помощи реорганизованнаго войска и флота, окончательно отвоевала себѣ видное мѣсто въ системѣ европейскихъ державъ и, получивъ самостоятельное значеніе въ международныхъ отношеніяхъ революціонной эпохи, „приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную ролю".

Эта „роль" все болѣе и болѣе увлекала Екатерину, льстила ея словолюбію. Съ 1778 г. она уже задумывалась надъ будущей судьбою Франціи, а позднѣе выступила противъ революціонныхъ началъ тѣмъ болѣе, что вліяніе ихъ стала усматривать и въ Россіи. Такъ напримѣръ, общественное движеніе, во главѣ котораго послѣ И. Шварца стоялъ Н. Новиковъ, представлялось Екатеринѣ опаснымъ не только потому, что оно самостоятельно преслѣдовало свои задачи, но и въ виду предполагаемыхъ связей его съ революціонными теченіями западной Европы; А. Радищевъ, сильно уколовшій самолюбіе императрицы, былъ также обвиненъ въ „разсѣваніи заразы французской". Явленія поподобнаго рода вызвали со стороны Екатерины охранительныя мѣры внутри имперіи и усилили враждебное отношеніе ея къ французской революціи въ особенности послѣ того, какъ распространился слухъ о возможности появленія революціонныхъ агентовъ и въ Россіи. Всѣ эти обстоятельства подчинили направленіе государственной дѣятельности Екатерины интересамъ ея внѣшней политики; она поняла, что „ослабленіе монархической власти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ другія монархіи" и потому рѣшилась принять дѣятельное участіе въ „дирекціи" европей-

скихъ дѣлъ. Но во время приготовленій къ заграничному походу, вызванному „искреннимъ, непреложнымъ стремленіемъ возстановить французскую монархію, какъ единственное средство водворить прочный миръ“ и желаніемъ играть свою самостоятельную „роль“ въ международныхъ отношеніяхъ Европы, императрицы не стало.

Смерть внезапно постигла Екатерину 6-го ноября 1796 года.

VII

Многія обстоятельства, какъ видно, мѣшали естественному ходу преобразованій, предпринятыхъ Екатериной въ первую половину ея царствованія. Гуманныя и либеральныя начала, провозглашенныя ею, способствовали броженію идей въ обществѣ, но пока еще мало содѣйствовали улучшенію его быта, формы котораго нельзя было уложить въ рамки, намѣченныя „мудрой законодательницей“; частью отставая, частью опережая въ своемъ развитіи политику императрицы, этотъ бытъ иногда мѣшалъ выполнить на практикѣ законы, обнародованные въ виду „общаго блага“; несоотвѣтствіе подобнаго рода придавало новымъ учрежденіямъ довольно случайный и мало законченный характеръ.

И чѣмъ выше стояли начала, провозглашенныя Екатериной, тѣмъ труднѣе было осуществить ихъ на дѣлѣ и тѣмъ строже современники отнеслись къ государынѣ, которая начала свое царствованіе обѣщаніемъ сдѣлать народъ свой „столь счастливымъ и довольнымъ, сколь человѣческое счастіе и довольствіе простираться можетъ на сей землѣ“ и, разумѣется, не сдержала своего обѣщанія. Выдающіеся представители позднѣйшихъ поколѣній, можетъ быть успѣвшіе забыть это обѣщаніе, все же иногда слишкомъ рѣзко судили о царствованіи Екатерины: его недостатки представлялись имъ болѣе конкретными, чѣмъ его достоинства; поэтому описанное время легче было подвергать односторонней критикѣ, чѣмъ всесторонней оцѣнкѣ. Нерѣдко, наконецъ, личныя свойства Екатерины безъ достаточныхъ предосторожностей переносили на ея политику

или, наоборотъ, дѣлали эту послѣднюю отвѣтственной за такія темныя явленія русской жизни, которыя вытекали изъ общихъ условій развитія и слишкомъ мало поддавались какому бы то ни было правительственному воздѣйствію.

Въ настоящее время спокойному наблюдателю нельзя не признать, однако, что государственная дѣятельность Екатерины оставила глубокій и во многихъ отношеніяхъ плодотворный слѣдъ въ русской жизни. Не имѣя возможности въ краткомъ очеркѣ развивать это положеніе, припомнимъ лишь нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ его справедливость.

Принципы экономической и просвѣтительной политики Екатерины, напримѣръ, не утратили своего значенія и до сихъ поръ. Наказъ ея несомнѣнно повліялъ на литературу и законодательство начала XIX вѣка, а вмѣстѣ съ нимъ перешелъ отчасти и въ современное право. Далѣе, бумаги коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія, созванной императрицей, пригодились для кодификаціонныхъ работъ, предпринятыхъ въ царствованіе императора Николая I.

Основныя начала сословной политики Екатерины, правда, уступили мѣсто новымъ взглядамъ. Процессъ этотъ происходилъ, однако, очень медленно: лишь сто лѣтъ спустя по вступленіи ея на престолъ окончательно водворились новыя общественныя отношенія. При этомъ организація свободныхъ классовъ русскаго общества, данная имъ Екатериной, на долго пережила ея царствованіе: городовое положеніе 1785 г., напримѣръ, примѣнялось всюду до 1846 г., когда городскія учрежденія получили менѣе сословный характеръ, а въ большинствѣ русскихъ городовъ и до 1870 г.; жалованная грамота дворянству, хотя и подвергалась частнымъ передѣлкамъ (напримѣръ въ 1831 г.), однако, до сихъ поръ еще не утратила своей силы, такъ же, какъ и важнѣйшія мѣропріятія императрицы касательно духовенства.

Еще въ большей мѣрѣ это можно сказать о началахъ, высказанныхъ въ учрежденіи о губерніяхъ; несмотря на то, что составъ губернскихъ установленій, набиравшійся изъ мѣстныхъ элементовъ, и самостоятельная

независимая отъ центра система ихъ потерпѣла съ основаніемъ министерствъ существенныя перемѣны, тѣмъ не менѣе эти начала въ извѣстной степени сохранили свое значеніе до послѣдняго времени.

Наконецъ, проекты Екатерины объ учрежденіи центральныхъ установленій съ характеромъ министерствъ и государственнаго совѣта, какъ извѣстно получили свое осуществленіе при Александрѣ I (въ кабинетѣ котораго между прочимъ найденъ былъ проектъ Н. Панина о совѣтѣ), а манифестъ о престолонаслѣдіи въ существенныхъ чертахъ уже повторенъ въ „духовномъ завѣщаніи" цесаревича Павла (1788 г.) и вслѣдъ за тѣмъ съ дополненіями послѣдующихъ государей перешелъ въ нынѣ дѣйствующее право.

Всѣ эти факты показываютъ, что большинство реформъ Екатерины не пропало даромъ для русской жизни и надолго успѣло вкорениться въ нее. Не только по отдѣльнымъ отраслямъ законодательства, но и по общему характеру своего царствованія дѣятельность Екатерины получила важное значеніе въ нашей исторіи.

Екатерина, сама служившая „общему благу", въ лицѣ своихъ подданныхъ видѣла „не рабовъ, а людей, повинующихся законамъ". Изъ этого принципа вытекали и другіе не менѣе важные; таковы: съ одной стороны признаніе личности гражданина государственною властью, съ другой—начало закономѣрнаго повиновенія, впрочемъ уже хорошо извѣстное предшествующему законодательству (Петра Великаго). Въ силу того же взгляда императрица желала основать отношенія власти къ населенію на взаимномъ довѣріи; для этого она прислушивалась къ „голосамъ" депутатовъ, принимавшихъ участіе въ коммиссіи 1767—1774 гг., временно содѣйствовала развитію общественнаго мнѣнія въ печати, предоставила право представленія мѣстнымъ обществамъ и установленіямъ и готова была признать полезные результаты, какіе должны были сказаться въ ея законодательствѣ благодаря такому общенію между правительствомъ и обществомъ, зависѣвшему, конечно, отъ усмотрѣнія верховной власти. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что устой-

чивость означеннаго порядка вещей была, по крайней мѣрѣ отчасти, гарантирована нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ установленій, учрежденныхъ императрицей Екатериной II.

Царствованіе, отличавшееся такими особенностями, не смотря на всѣ его темныя стороны, должно было занять выдающееся мѣсто въ прогрессивномъ ходѣ нашей отечественной исторіи: и дѣйствительно, въ немъ нельзя не видѣть зачатки будущаго развитія русскаго общества и дальнѣйшаго преуспѣянія начала законности въ русскомъ государственномъ порядкѣ.